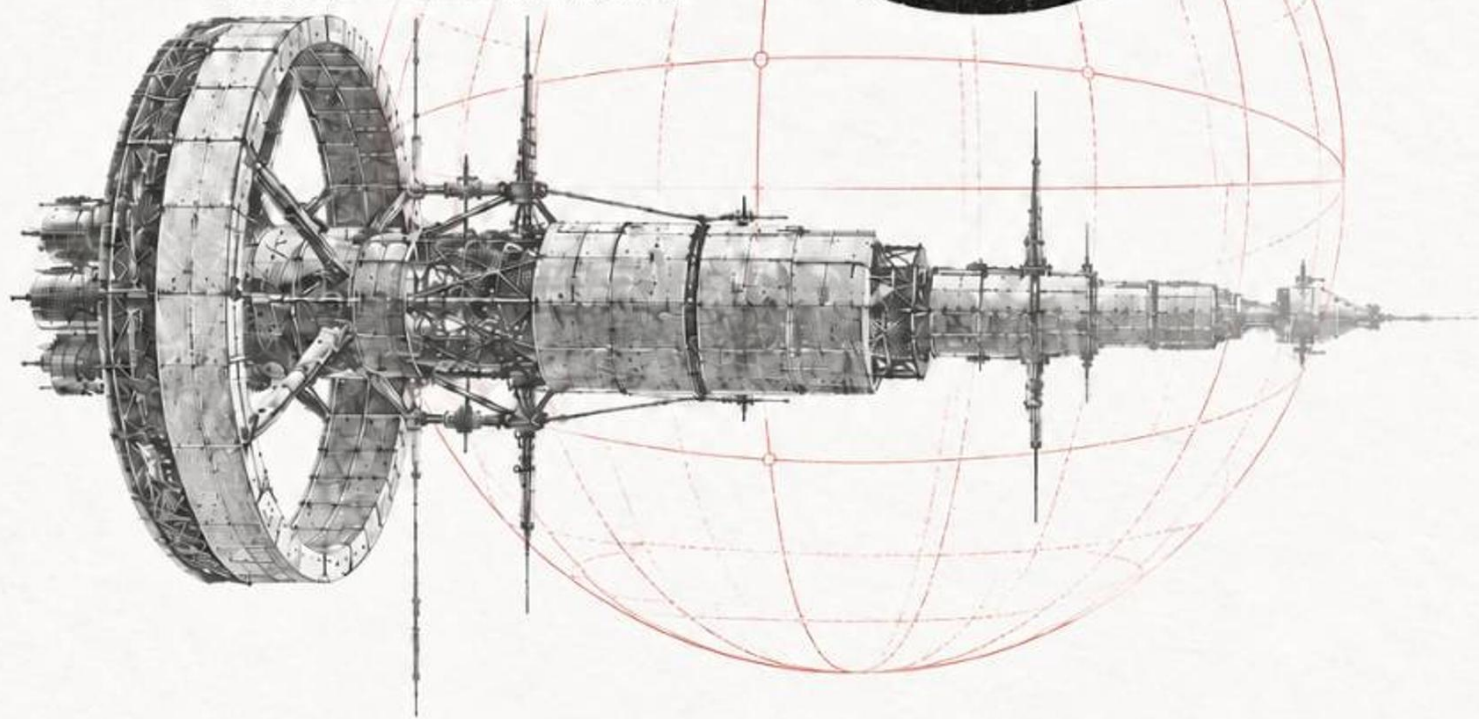

28

АНДРЕЙ ПОЛЯНСКИЙ

Андрей Полянский

28

«Автор»

2026

Полянский А.

28 / А. Полянский — «Автор», 2026

В 06:14 зонд «Наяда» передал одиннадцать секунд невозможной записи и исчез. Внутри газового гиганта находился Астэр — живой материк с двумя народами, не знающими, что их мир медленно падает. На последнем уцелевшем кадре осталось число: 28. Без единицы измерения. Без объяснения. Леон сразу понял, что перед ним. Двенадцать лет назад эта теория стоила ему научной репутации, жены и самостоятельной жизни. Теперь ему сорок три. Он снова живёт с матерью и по-прежнему не может приготовить яйцо. Чтобы спасти Астэр, Леону придётся войти внутрь собственной отвергнутой теории. Там его ждут древняя система, корпоративная экспедиция, разумные корабли и вопрос, на который не смогла ответить ни одна цивилизация: Кто был первым? И почему разные миры знают число 28?

© Полянский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Одиннадцать секунд	6
Глава 2	10
Человек, которого терпели	10
Глава 3	14
Суета	14
Глава 4	18
Большое Кольцо	18
Глава 5	23
Твёрдая поверхность	23
Глава 6	28
Люди края	28
Глава 7	33
Двенадцать дней	33
Глава 8	37
Под небом	37
Глава 9	42
Первоисточник	42
Глава 10	47
Первый обломок	47
Глава 11	53
Люди с хорошими намерениями	53
Глава 12	57
Сигнал, отправленный завтра	57
Глава 13	61
Переводчик	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Андрей Полянский

28

Глава

Глава 1

Одиннадцать секунд

Зонд погиб в 06:14 по центральноевропейскому времени.

В этот момент Леон Аранда пытался доказать матери, что способен самостоятельно сварить яйцо.

Яйцо лежало в маленькой кастрюле и постукивало о стенку. Леон стоял перед плитой с часами в одной руке и инструкцией на упаковке в другой. Инструкция была рассчитана на людей, никогда прежде не встречавших ни яйца, ни кипятка. Именно поэтому она показалась ему недостаточно подробной.

— Ты опять включил сильный огонь, — сказала мать.

Она вошла на кухню в халате и тапочках, но с выражением лица человека, которого срочно вызвали для ликвидации аварии на реакторе.

— Вода должна кипеть.

— Она и на слабом огне кипит.

— Тогда в чём смысл сильного?

— Чтобы мужчины портили кастрюли.

Леону было сорок три года. Он имел две докторские степени, двадцать семь научных публикаций и индекс Хирша, о котором мать отзывалась без уважения. Одиннадцать лет назад он вернулся в её дом после развода. Возвращение предполагалось временным.

Временным оно и осталось. Просто немного затянулось.

На столе завибрировал коммуникатор. Леон посмотрел на имя вызывающего и выключил плиту.

— Яйцо не готово, — предупредила мать.

— Мне звонит обсерватория.

— Они подождут три минуты.

— Мама, это межпланетная обсерватория.

— Тем более. Пока оттуда долетит ответ, яйцо остынет.

Леон принял вызов.

На экране появилось круглое лицо Клары Беннет, дежурного координатора станции «Эрим». За её спиной двигались люди. Все говорили одновременно, и никто никого не слушал. Это означало, что случилось либо великое открытие, либо сокращение финансирования.

— Леон, ты дома?

— Нет, — ответил он и зачем-то оглянулся.

Мать подняла брови.

— Прекрасно, — сказала Клара. — Немедленно подключайся к закрытому каналу. «Наяда» передала данные.

— Она вошла в Кольцо?

— Вошла.

— И?

Клара помолчала.

— Через одиннадцать секунд связь оборвалась.

Леон сел. Стул оказался дальше, чем он предполагал, и подхватил его только краем сиденья. На мгновение учёный потерял равновесие, взмахнул руками и уронил ложку. Мать молча подвинула стул ближе. Великие открытия в её присутствии всегда начинались одинаково.

— Что она успела передать?

— Поэтому и звоню. Посмотри сам.

Экран погас. Через секунду на нём появилось изображение.

Сначала не было ничего, кроме серой мути. Камера дрожала. По краям вспыхивали белые разряды. Один из них прошёл совсем близко, и изображение на мгновение рассыпалось на квадраты.

Потом облака разошлись.

Внизу лежала земля.

Не плотное ядро газового гиганта. Не ледяная глыба и не облачный слой, который можно было принять за поверхность. Настоящая земля.

Зелёная равнина уходила к тёмным горам. Между холмами блестела вода. По склонам тянулись леса, а над ними двигались медленные полупрозрачные существа, похожие одновременно на птиц и медуз.

Леон перестал дышать.

Камера наклонилась. На краю изображения показалась отвесная линия берега. За ней не было моря. Обрыв уходил прямо в облака.

Что-то огромное прошло под зондом. По лесу скользнула тень, закрыв сразу несколько километров поверхности.

На девятой секунде включился звук.

Шипение. Три коротких сигнала. Два длинных. Снова три коротких.

Старая аварийная последовательность Международной службы дальних полётов.

На одиннадцатой секунде изображение исчезло.

Почти.

На последнем целом кадре в служебной строке осталось число: 28.

Без знака, единицы измерения и пояснения. Оно не совпадало ни с номером канала, ни с кодом ошибки, ни с температурой датчиков.

— Двадцать восемь чего? — спросила мать.

— Пока не знаю.

Леон записал число на картонке от яиц. Другой бумаги под рукой не оказалось, а важные открытия, как правило, плохо выбирали канцелярию.

Кухня вернулась не сразу. Сначала возник стол, потом кастрюля, потом мать. Она стояла рядом и смотрела на застывший экран.

— Красиво, — сказала она. — Только жить там, наверное, неудобно.

Леон снова запустил запись.

Потом ещё раз.

На четвёртом просмотре он увеличил последние кадры. Слева от озера, почти скрытая помехами, стояла тонкая конструкция. Три вертикальные опоры, соединённые кольцами.

Именно такую схему Леон нарисовал двенадцать лет назад. Она должна была возникать в том месте, где искусственно стабилизированная масса взаимодействовала с магнитным полем Немеи.

Статью не опубликовали. Рецензент написал, что гипотеза автора «находится за пределами научного оптимизма». Леон тогда ещё не знал, что у пессимизма тоже бывают границы. Через несколько месяцев его перестали приглашать на конференции. В ту же зиму распался брак. Ровно через год после той схемы Леон вернулся к матери. С тех пор прошло одиннадцать лет.

Всё началось с шума.

В молодости Леон дежурил на старой станции радионаблюдения в Альмерии. Оборудование там работало хуже кондиционера, а кондиционер не работал вообще. По ночам антенна принимала низкие колебания Немеи — далёкие, бессмысленные, похожие на дыхание спящего животного.

Одна последовательность повторялась.

Леон записал её, построил модель и получил невозможный результат: внутри атмосферы существовала область с постоянной массой. Руководитель предложил проверить кабели. Леон проверил. Потом предложили проверить здоровье. Он отказался.

Идея поселилась в нём. Он строил расчёты, искал ошибки, просыпался ночью и записывал формулы на бумажных салфетках. Бывшая жена сначала восхищалась его настойчивостью. Позже называла Немею второй женщиной. В конце концов ушла к человеку, который занимался страхованием грузовых перевозок и не интересовался газовыми гигантами.

Мать встретила сына с двумя чемоданами и коробкой книг.

— Я не буду спрашивать, надолго ли, — сказала она.

— На несколько недель.

— Тогда поставь коробку в кладовку. Там вещи, которыми мы временно не пользуемся с девяносто восьмого года.

За прошедшие одиннадцать лет Леон несколько раз собирался съехать. Каждый раз что-нибудь происходило: закончился контракт, поднялась аренда, мать подвернула ногу, началась реконструкция дома. Постепенно он понял, что обстоятельства существуют главным образом для оправдания решений, которые человек уже принял.

Он остался. Мать готовила. Леон платил за дом и рассказывал знакомым, что не может бросить пожилого человека одного.

Пожилой человек ежедневно уходил на йогу, встречался с подругами и путешествовал без него по два раза в год.

Коммуникатор снова ожил.

— Ты понял, что это? — спросила Клара.

— Да.

— Что именно?

Леон открыл рот, но мать опередила его:

— Это значит, что он был прав.

Клара посмотрела в сторону источника голоса.

— Сеньора Аранда?

— А кто ещё должен был это заметить?

Леон выключил внешний микрофон.

— Объект существует, — сказал он. — Он удерживается внутри атмосферы. Скорее всего, использует магнитное поле планеты. Большое Кольцо может быть частью стабилизирующей системы или защитным эффектом.

— Мы получили расчёты высоты.

— И?

— За последние девятнадцать дней объект опустился на четыреста метров.

Леон посмотрел на остановленное изображение. Горы, лес, озеро. Невозможный мир медленно падал в глубину планеты.

— Когда следующий зонд?

— Зондов больше не будет.

— Почему?

— Комиссия собирается через два часа. Тебя ждут лично.

— Меня двенадцать лет не хотели видеть лично.

— Теперь хотят. Собирают пилотируемую экспедицию.

Ладони похолодели. Леон вытер их о брюки и тут же пожалел: мать только вчера их гладила.

— И зачем там я?

Клара устало улыбнулась.

— Потому что все остальные ошиблись.

Связь оборвалась.

Мать выключила плиту, которую Леон, оказывается, снова включил.

— Ты никуда не полетишь, — сказала она.

— Конечно.

— Обещаешь?

— Да.

В кастрюле лопнуло яйцо.

Леон посмотрел на белок, медленно выползавший через трещину.

В эту секунду он впервые ясно понял две вещи. Он полетит. И мать тоже это поняла.

Поэтому спорить она не стала.

Она просто достала с верхней полки его старый дорожный чемодан.

Глава 2

Человек, которого терпели

Комиссия заседала в новом корпусе Европейского управления внеземных исследований. Здание было круглым, прозрачным и символизировало открытость науки.

Внутри пускали по отпечатку сетчатки, анализу голоса и письменному разрешению трёх отделов безопасности.

На входе Леона задержали.

— Ваш пропуск аннулирован девять лет назад, — сообщил охранник.

— Я знаю.

— Тогда зачем вы его предъявили?

— Другого у меня нет.

Охранник задумался. В работе службы безопасности иногда возникали вопросы, не предусмотренные инструкцией. В таких случаях человек становился опаснее оружия.

— Вас кто-нибудь ждёт?

— Председатель научного совета.

— Лично?

— Я тоже удивился.

Через десять минут Леона провели наверх. Его сопровождали двое охранников. Один нёс чемодан с документами, потому что сканер определил металлический предмет внутри. Предметом оказался термос с куриным бульоном.

Мать положила его тайком.

В зале сидели четырнадцать человек. Большинство Леон знал. Некоторые когда-то были его коллегами. Теперь они смотрели на него с тем особенным выражением, с каким родственники встречают человека, объявленного пропавшим без вести, но неожиданно вернувшегося без денег.

Председатель, профессор Ремейк, поднялся.

— Леон. Рад вас видеть.

— Это взаимное преувеличение.

Кто-то кашлянул. Клара Беннет улыбнулась и показала ему свободное место.

На стене висело остановленное изображение Астэра. Так объект уже называли в документах. Название предложила автоматическая система классификации. Оно не означало ничего, зато хорошо звучало. Современная наука ценила такие качества.

Физически Астэр был живым материком-ковчегом внутри Неми. На верхней стороне держались атмосфера, леса и города; нижняя уходила корнями в плотные облачные слои. Всё вместе двигалось как один организм, хотя его жители об этом ещё не знали.

— Начнём с очевидного, — сказал Ремейк. — Доктор Аранда двенадцать лет назад предсказал существование устойчивой массы внутри Большого Кольца.

— Я не предсказывал, — возразил Леон. — Я рассчитал возможность.

— Сейчас это несущественно.

— Тогда это почему-то было существенно.

Клара слегка толкнула его ногой под столом.

Ремейк сделал вид, что ничего не произошло.

— Мы подготовили предварительную модель. Астэр находится на высоте шестидесяти двух километров от условной границы нижней атмосферы. Температура на поверхности от

двенадцати до тридцати градусов. Давление близко к земному. Состав воздуха пригоден для дыхания, хотя содержание кислорода выше нормы.

— Размеры? — спросил Леон.

— Около шестисот километров по длинной оси. Толщина неизвестна.

— Масса?

— Именно поэтому вы здесь.

На экране появилась схема. Красная линия показывала движение объекта. Она медленно уходила вниз.

— Скорость падения растёт, — продолжил Ремейк. — Если тенденция сохранится, через пятьдесят восемь дней Астэр войдёт в область критического давления.

— Тенденция не сохранится, — сказал Леон.

В зале стало тихо.

— Почему?

— Потому что это не свободное падение. Объект сопротивляется. Система компенсации работает, но теряет мощность. Когда она перестанет справляться, скорость увеличится в десятки раз. У нас не пятьдесят восемь дней.

— Сколько?

Расчёты не изменились.

— Не знаю.

— Нам нужен более определённый ответ.

— Тогда спросите человека, который ошибался двенадцать лет. Он наверняка ответит увереннее.

Клара снова ударила его ногой. На этот раз сильнее.

Ремейк медленно сел.

— Пилотируемый корабль «Кассандра» находится на станции Эрим. Он готов к спуску в атмосферу. Команда уже сформирована.

— За несколько часов?

— За несколько месяцев. Проект существовал до запуска зонда.

Леон почувствовал знакомое раздражение. Пока его гипотезу называли нелепой, кто-то получал деньги на её проверку. Наука не отвергала безумные идеи. Она лишь предпочитала, чтобы безумными были правильные люди.

— Кто руководитель?

Дверь открылась.

В зал вошла высокая темнокожая женщина в форме космической спасательной службы. Она двигалась спокойно и смотрела прямо перед собой. За ней шёл широкоплечий мужчина с короткими седыми волосами.

— Командор Амара Окойе, — представил её Ремейк. — Руководитель экспедиции. Элиас Брандт, безопасность и спасательные операции.

Амара пожала Леону руку.

— Я читала ваши работы.

— Все?

— Нет. Я лётчик, а не мученица.

Элиас улыбнулся.

— А я не читал ни одной. Поэтому мы с вами начнём отношения без предубеждений.

Леону они сразу не понравились. Обычно это означало, что впоследствии он к людям привяжется.

— Вылет через семьдесят два часа, — сказала Амара. — Станция Эрим находится у внешней границы системы. Переход займёт восемнадцать дней. За это время вы подготовите модель входа в Кольцо.

— Вы уже решили, что я лечу?

— Нет. Решили люди, которым принадлежит корабль. Я лишь могу отказаться брать вас на борт.

— И?

— Пока не отказалась.

— Почему?

Амара посмотрела на термос, который охранник поставил рядом с Леоном.

— Человек, берущий на неизвестную планету домашний бульон, либо очень предусмотрителен, либо безнадёжен. Мне интересно разобраться.

Совещание продолжалось два часа. Обсуждали состав атмосферы, мощность разрядов, радиацию и стоимость экспедиции. Последний вопрос занял больше времени, чем первые три вместе.

Затем начался медицинский осмотр.

Леона отвели в соседний корпус. Врач просмотрела его карту и спросила:

— Регулярные физические нагрузки?

— Хожу пешком.

— Сколько?

— Каждый день.

— Расстояние?

Леон задумался.

— До университета семьсот метров.

— И обратно?

— Иногда меня забирает мама.

Врач подняла глаза.

— По медицинским причинам?

— По материнским.

Его заставили бежать на дорожке. На третьей минуте Леон вспотел. На пятой начал ненавидеть космос. На восьмой врач увеличила скорость.

— Я думал, вы проверяете здоровье.

— Проверяю.

— По ощущениям вы его расходуете.

Результаты признали допустимыми. Не хорошими — для этого пришлось бы лгать в официальном документе, — но достаточными для научного специалиста, который не должен был таскать грузы и спасать остальных.

После медицины его отправили на ускоренное испытание в тренировочную капсулу. Амара наблюдала через стекло.

Капсула имитировала резкие повороты корабля. На первом Леон потерял ручку. На втором ручка вернулась и попала ему в лоб. На третьем он сообщил, что полностью понимает принцип и дальнейшая демонстрация не требуется.

— Ваш вестибулярный аппарат слабее нормы, — сказала Амара после остановки.

— Зато воображение сильнее. Я заранее представляю последствия.

— Это называется тревожностью.

— В научной среде мы предпочитаем слово «прогнозирование».

Леон слушал и постепенно понимал: решение принято давно. Комиссия была нужна не для выбора. Она распределяла ответственность на случай неудачи.

Люди торопились, подписывали документы, создавали комиссии и назначали сроки, будто ботинок над муравейником можно было задержать правильно оформленным протоколом. Эту деятельность называли порядком.

После заседания Амара догнала Леона в коридоре.

— Вы боитесь лететь?

— Очень.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Испуганные люди проверяют скафандр. Смелые иногда забывают.

— Я могу проверить его шесть раз.

— Это уже хуже.

У выхода Леон увидел мать. Она сидела на скамье рядом с постом охраны. На коленях лежала его куртка.

— Как вы сюда попали? — спросил он.

— Сказала, что тебе нужно принять лекарство.

— Какое?

— От глупости. Охранник сразу поверил.

Амара остановилась рядом.

— Сеньора Аранда?

— Вы командир?

— Да.

Мать внимательно осмотрела её.

— Он плохо переносит перегрузки. Не ест лук. Ночью разговаривает во сне. Если говорит по-английски, будить не надо. Если по-испански — ему снится бывшая жена.

— Мама.

— А кто ей должен это сообщить?

Амара приняла куртку и передала Леону.

— Я учту.

— И заставляйте его надевать шарф.

— На корабле двадцать два градуса.

— Вот поэтому люди там и простужаются.

Элиас стоял чуть поодаль и делал вид, что изучает стенд безопасности. Его плечи подрагивали.

Мать повернулась к Леону.

— Ты согласился?

— Да.

— Я знала.

— Тогда зачем запретила?

— Чтобы решение хотя бы раз показалось тебе самостоятельным.

Она поправила ему воротник и ушла.

Леон смотрел ей вслед. Потом заметил, что Амара больше не улыбается.

— Что случилось?

— Пришли новые данные, — сказала она. — Скорость снижения Астэра удвоилась.

— Когда?

— Двадцать минут назад.

— Значит, у нас меньше пятидесяти восьми дней.

— Намного меньше. Вылет переносится.

— На когда?

Амара протянула ему пропуск на орбитальный транспорт.

— На сегодняшний вечер.

Глава 3

Суета

Космопорт всегда напоминал Леону больницу, где лечили от желания путешествовать.

Белые коридоры, запах антисептика, спокойные голоса. Люди прощались возле стеклянных перегородок и старались не выглядеть несчастными. Некоторые даже радовались. Обычно это были те, кто оставался.

До старта оставалось сорок минут.

Леон сидел в комнате предполётного контроля. На нём был лёгкий транспортный костюм, который нигде не жал, не натирал и поэтому казался подозрительным.

Рядом стоял чемодан. Мать собирала его лично. Сотрудник биологической безопасности выкладывал содержимое на стол.

— Три пары шерстяных носков.

— В космосе холодно, — объяснил Леон.

— Две банки персикового варенья.

— Это не моё.

— Семьдесят пакетиков ромашкового чая.

— У мамы своё понимание длительности экспедиции.

Сотрудник достал связку чеснока.

— Биологический материал без сертификата.

— Отдайте его мне, — попросил Леон. — Я выброшу.

— Выброшу я.

— Тогда зачем отдавать?

— Мне положено.

В дверь заглянул Элиас.

— Мы готовы. Проблемы?

— Контрабанда, — сказал сотрудник.

Элиас посмотрел на чеснок.

— Серьёзное дело.

— Растительный материал может нарушить биологическую безопасность корабля.

— Особенно если добавить масло.

Сотрудник не оценил шутку. Люди, отвечающие за безопасность, редко смеялись. Смех предполагал возможность другого толкования инструкции.

Из чемодана извлекли маленькую деревянную фигурку.

— Что это?

— Святой Христофор, — ответил Леон.

— Вы верующий?

— Нет.

— Тогда зачем он вам?

— Мама верующая.

— Но летите вы.

— В этом и состоит её претензия к Богу.

Элиас забрал фигурку и поставил обратно в чемодан.

— Не задерживайте доктора. Если мы разобьёмся из-за отсутствия святого Христофора, объясняться будете вы.

Сотрудник пропустил фигурку. Чеснок оставил себе. Леон подозревал, что не из служебной необходимости.

До челнока они шли быстрым шагом. Леон старался не отставать и одновременно застёгивал чемодан. Колёсико попало в стык между плитами, чемодан накренился, а учёный ещё несколько метров продолжал двигаться без него.

— Вы всегда такой? — спросил Элиас.

— Какой?

— Готовый к экспедиции.

— В обычной жизни я хуже.

На борту находились ещё два участника.

Мэй Лин, биоинженер, была маленькой, серьёзной и очень молодой на вид. Она посмотрела на Леона с любопытством, словно заранее решила, что он представляет неизвестную форму жизни.

Салим Надир, инженер связи, улыбнулся и помог убрать чемодан.

— Доктор Аранда. Для меня честь.

— Вы читали мои работы?

— Нет. Но все говорят, что вы оказались правы. В наше время этого достаточно для уважения.

— Ненадолго, — заметил Элиас. — Скоро он снова что-нибудь предскажет.

Челнок стартовал мягко. Леон вдавился в кресло и закрыл глаза.

— Дышите, — посоветовала Амара по внутренней связи.

— Я дышу.

— Нет.

Леон вдохнул.

Перегрузка была небольшой, но организм не доверял цифрам. Организм вообще проявлял тревожную независимость. Он потел, когда Леон хотел выглядеть спокойным, краснел, когда требовалось сохранить достоинство, и засыпал исключительно во время важных докладов.

Через восемь минут наступила невесомость.

Из кармана Леона выплыл леденец. Следом появился второй, потом третий. Мать распределила их по всем карманам.

Леденцы медленно разлетались по салону.

Мэй поймала один.

— Апельсиновый.

— Берите. Их, похоже, много.

Элиас поймал два.

— Это снабжение экспедиции?

— Резервное.

Амара появилась из кабины и некоторое время наблюдала, как четверо учёных и один начальник безопасности ловят конфеты.

— Мы летим спасти неизвестный мир, — сказала она. — Хорошо, что подготовка соответствует задаче.

Станция Эрим встретила их пустыми переходами и искусственным рассветом. За обзорным стеклом висела Немея — огромная, золотисто-серая, перечёркнутая тёмными полосами облаков. Большое Кольцо выглядело как тонкий синеватый шрам.

Перед переходом к кораблю им дали два часа отдыха. Леон не отдыхал. Он стоял у стекла и смотрел на планету.

Мэй подошла незаметно. В руке у неё был пойманный в челноке леденец.

— Ваш?

- Теперь ваш.
- Я не люблю апельсиновые.
- Я тоже. Мама покупает их, потому что они полезнее шоколада.
- Они состоят из сахара и красителя.
- Не сообщайте ей. Она расстроится, но мнение не изменит.
- Мэй встала рядом.
- Вы действительно слышали Астэр двенадцать лет назад?
- Я слышал последовательность. Всё остальное придумал.
- Или понял.
- Разница определяется результатом. Если результат верный, это понимание. Если нет
- фантазия.
- Удобно.
- Наука вообще удобна задним числом.
- Внизу двигалось Большое Кольцо. Даже с орбиты были видны вспышки молний.
- Я изучала теорию происхождения жизни, — сказала Мэй. — Мы постоянно ищем первое место. Первую молекулу. Первую клетку. Как будто жизнь станет понятнее, если найти её адрес.
- Вы не верите в первоисточник?
- Верю, что каждое начало уже является продолжением чего-то другого. Первая клетка возникла из неживой материи. Материя — из более ранней материи. Даже пустота не пустая. Мы просто назначаем удобную точку и говорим: началось здесь.
- Тогда кто автор жизни?
- Возможно, автора нет.
- Мою мать такой ответ не устроит.
- Почему?
- Ей нужно знать, кому предъявлять претензии.
- Они ещё некоторое время стояли молча. Леон подумал, что разговор получился слишком серьёзным для знакомства. Обычно он сначала рассказывал о погоде, потом делал неудачную шутку и только после этого портил впечатление философией.
- Почему вы согласились лететь? — спросил он.
- Я хотела увидеть жизнь, которая возникла не на Земле.
- А если она создана искусственно?
- Тогда увижу того, кто считает себя её источником.
- Она протянула Леону леденец и ушла.
- Он положил его в карман. Карман оказался уже полон леденцов.
- «Кассандра» стояла у внешнего причала. Короткий корпус, четыре двигателя, посадочные опоры, широкая нижняя платформа для атмосферного спуска. Корабль казался небольшим рядом с планетой. Леону это сравнение не понравилось.
- В кают-компанию собралась команда. Амара включила проекцию маршрута.
- До входа в Кольцо восемнадцать дней. Связь с Землёй будет идти с задержкой. После спуска связь с орбитой может исчезнуть полностью. У нас одно окно для возвращения — через двенадцать суток после посадки.
- Почему одно? — спросила Мэй.
- Кольцо меняет скорость. Следующее окно появится через сорок три дня. К тому времени Астэр может находиться ниже допустимой высоты.
- Или его уже не будет, — сказал Леон.
- Амара кивнула.
- Поэтому работаем быстро. Приоритет — исследование объекта, установление природы аварийного сигнала и оценка угрозы. Возвращение команды обязательно.

Последнюю фразу она произнесла слишком отчётливо.

— Бывают необязательные возвращения? — спросил Элиас.

— Бывают посмертные отчёты.

Салим открыл схему сигнала.

— Есть ещё одна деталь. Мы сравнили аварийную последовательность с земным стандартом. Совпадение неполное.

— Насколько? — спросил Леон.

— Первые семь импульсов стандартные. Последующие образуют математическую структуру. Мы не смогли определить источник.

Леон подошёл ближе. На экране шла последовательность коротких и длинных отметок.

Он смотрел на неё несколько секунд.

— Откройте последние материалы моей модели, — попросил он.

Салим вывел формулы.

Леон нашёл таблицу колебаний магнитного поля, которую составил двенадцать лет назад. Числа совпадали. Не приблизительно. Полностью.

— Кто имел доступ к работе? — спросила Амара.

— Никто. Полная модель не публиковалась.

— Вы уверены?

— Она хранилась на моём домашнем терминале.

— Значит, доступ был у сети.

— Терминал не подключался к сети одиннадцать лет.

Элиас посмотрел на него.

— Почему?

— Мама считает, что беспроводная связь вызывает бессонницу.

— А что вызывает её у вас?

— Мама.

Никто не засмеялся.

На экране находилась последовательность, которую Леон придумал в одиночестве. Теперь её передавали изнутри чужой планеты.

— Возможно, вы не придумали её, — тихо сказала Мэй.

— Что?

— Вы считаете себя источником. А если вы только приняли сигнал раньше остальных?

Леон хотел возразить, но не нашёл слов.

Иногда человек проживал всю жизнь, полагая, что совершает поступки, создаёт идеи и выбирает путь. Возможно, всё это время он лишь передавал дальше то, что пришло из неизвестного места.

Суетился, стараясь назвать движение собственной волей.

На проекции Немея медленно вращалась.

Из глубины Большого Кольца снова пришёл сигнал.

Теперь он содержал координаты точки посадки.

Глава 4

Большое Кольцо

Восемнадцать дней полёта прошли быстро.

Особенно последние семнадцать.

В первый день Леон пытался составить расписание. Он распределил время между расчётами, физическими упражнениями, сном и изучением материалов. На бумаге жизнь получилась стройной и разумной. В действительности он дважды опоздал на завтрак, заснул во время тренировки и потерял левый тапок.

Тапок обнаружили в отсеке биологических образцов.

Мэй потребовала объяснений.

— Он, вероятно, прилип к костюму.

— А потом самостоятельно прошёл три герметичных двери?

— Если у вас есть другая версия, я готов её рассмотреть.

— У меня есть образец вашей кожи на внутренней поверхности.

— Значит, это точно мой тапок.

Мэй поместила его в изолирующий пакет и вернула владельцу. До конца полёта Леон ходил в одном тапке. Второй казался ему заподозренным в государственной измене.

В остальном работа шла успешно. Сигналы из Кольца продолжались. Они приходили каждые тридцать семь часов и содержали одни и те же координаты. Иногда последовательность дополнялась новыми числами.

Леон считал их предупреждением. Салим — навигационными поправками. Амара не считала ничем, пока не появлялось доказательств.

Элиас называл сигналы приглашением.

— Приглашения обычно содержат адрес, — говорил он. — Иногда просьбу принести напитки. Адрес у нас есть.

— Вас не смущает, что хозяева уничтожили зонд?

— Хорошие хозяева тоже иногда убирают со стола насекомых.

— Мы для них насекомые?

— Скоро узнаем.

На двенадцатый день команда впервые обсудила возможность разумной жизни на Астэре.

До этого её существование считалось вероятным, но официально не подтверждённым. Несколько движущихся точек на записи могли быть людьми. Могли быть животными. Могли оказаться дефектами изображения. Последний вариант особенно нравился научному совету: дефекты не требовали дипломатии.

Салим восстановил один из кадров. На берегу озера появились три фигуры.

Они стояли рядом и смотрели вверх.

— Значит, видели зонд, — сказала Амара.

— Или ждали, — ответила Мэй.

— Чего?

— Нас.

Леон увеличил изображение. Фигуры были слишком маленькими. Одна держала длинный предмет.

— Возможно, оружие.

— Или палку, — сказал Элиас.

— Вы видите разницу?

— Разница выясняется после применения.

Амара поручила Элиасу подготовить три варианта первого контакта: мирный, осторожный и аварийный.

— Чем осторожный отличается от аварийного? — спросил Леон.

— В осторожном варианте вы выполняете мои команды до стрельбы.

— А в аварийном?

— После.

Они выбрали точку посадки в двух километрах от озера. Площадка была ровной, но рядом находился лес. Леон предлагал опуститься ближе к краю континента, чтобы сразу измерить толщину конструкции. Амара отказала.

— Почему?

— Потому что вы предлагаете посадить корабль возле пропасти.

— С научной точки зрения это наиболее интересное место.

— С точки зрения пилота тоже. Один раз.

Леон пытался спорить, но быстро понял: власть отличалась от научной истины тем, что не нуждалась в рецензировании.

На девятый день корабль принял сообщение от матери Леона. Из-за задержки оно шло почти сутки.

Сеньора Аранда сидела на кухне. За её спиной виднелась новая кастрюля.

«Леон, у нас всё хорошо. Не забывай есть. Я посмотрела про Немею. В интернете написано, что у неё нет поверхности. Поэтому будь осторожен при посадке. И не доверяй людям, которые улыбаются без причины. Это касается и твоего инженера связи. Я его видела в трансляции. Он слишком вежливый».

Салим посмотрел запись вместе со всеми.

— Ваша мать проницательна.

— Теперь вы понимаете, почему я живу с ней.

— Я думал, потому что вам удобно.

— Это официальная версия.

На восемнадцатый день Немея закрыла половину неба.

Корабль вышел из перехода в сорока тысячах километров от планеты. Полосы облаков двигались с разной скоростью. Белые, золотистые, бурые. Между ними вспыхивали молнии, настолько большие, что земные материки поместились бы внутри одного разряда.

Большое Кольцо опоясывало северное полушарие. Оно выглядело почти правильным кругом — тёмная стена облаков с синей каймой по верхнему краю.

Леон стоял на мостике и смотрел на то, чему посвятил значительную часть жизни.

Он ожидал торжества. Получил расстройство желудка.

— Давление нормальное, — сообщила Мэй, просматривая медицинские показатели. — Пульс высокий.

— Я немного волнуюсь.

— Вы выпили четыре кофе.

— Я много волнуюсь.

Амара заняла центральное кресло. Элиас пристегнулся справа. Салим перешёл на резервный пост связи. Леон и Мэй расположились за ними.

— До границы Кольца семь минут, — сказала Амара. — После входа возможна потеря ориентации. Автоматика будет использовать гравитационные датчики и расчёты доктора Аранды.

— Это должно успокаивать? — спросил Элиас.

— Нет.

Корабль развернулся двигателями вперёд и начал снижение.

Сначала всё происходило спокойно. Немея росла. На внешнем корпусе появился глухой шелест. Потом корабль коснулся верхней атмосферы, и шелест превратился в рёв.

По обшивке побежали электрические разряды. За стеклом вспыхнула белая сеть. На мгновение она охватила весь корабль и исчезла позади.

— Связь с орбитальным модулем потеряна, — сообщил Салим.

— Раньше расчёта на сорок секунд, — ответила Амара.

«Кассандра» вошла в стену облаков.

Дневной свет пропал. Вокруг осталась густая серая масса, пронизанная вспышками. Корабль задрожал. Его резко бросило влево.

Леон упёрся ногами в панель.

— Боковой поток двести восемьдесят метров в секунду!

— Вижу, — спокойно ответила Амара.

Она изменила угол спуска. Двигатели взвыли. Корабль выровнялся, но сразу провалился вниз.

Высотомер показал потерю трёх километров.

— Данные неверны! — сказал Салим.

— Почему?

— Мы потеряли три километра за две секунды.

— Тогда или данные неверны, или день неудачный.

Снизу ударило что-то тяжёлое.

Корпус содрогнулся. Погас свет. Леона дёрнуло ремнями, и он ударился затылком о подголовник.

В темноте раздался голос Элиаса:

— Все живы?

— Да, — ответила Амара.

— Да, — сказала Мэй.

— Кажется, — сказал Леон.

— Доктор Аранда, в данном вопросе нужна определённость.

— Тогда да.

Включилось аварийное освещение.

На внешней камере появилось существо. Оно прижалось к нижней части корабля и обхватило посадочную платформу длинными прозрачными отростками. Сквозь его тело проходили голубые вспышки. В центре находилось тёмное кольцо, которое ритмично сжималось.

— Оно питается зарядом корпуса, — сказала Мэй.

Напряжение в сети упало.

— Очень своевременное наблюдение, — заметил Элиас.

Амара включила маневровые двигатели. Существо не отпустило корабль.

Из облаков появились ещё три.

Они двигались без крыльев. Раздувались, ловили поток и складывали тела перед рывком. Одно ударилось о носовую часть. По стеклу растеклась прозрачная ткань, на мгновение закрыв обзор.

— Они реагируют на электромагнитное поле, — сказал Леон. — Отключите внешнюю защиту.

— Тогда нас поджарит первая молния.

— Если не отключим, они опустошат накопители.

— Есть третий вариант? — спросила Амара.

— Паниковать.

— Это вы уже делаете.

Элиас активировал импульсный излучатель. Голубая волна прошла по корпусу. Существо дёрнулось, отцепилось и исчезло в облаках. Остальные отступили.

На панели вспыхнуло предупреждение.

— Мы сожгли два внешних датчика, — сообщил Салим.

— Зато избавились от гостей.

Из темноты появилась тень.

Она была намного больше предыдущих. Камера не могла охватить её целиком. Над кораблём медленно прошла полупрозрачная поверхность, испещрённая светящимися прожилками.

— Импульсный излучатель перезаряжается, — сказал Элиас.

— Сколько?

— Девяносто секунд.

— А оно будет ждать? — спросил Леон.

— Спросите. Вы учёный.

Существо развернулось. Два огромных крыла или плавника закрыли корабль от молний. Внутри его тела двигались цепочки света.

Оно не нападало.

Оно следовало рядом.

Сигнал, который они принимали из Астэра, изменился. Простая последовательность превратилась в плотный поток данных.

— Это управление, — сказал Салим. — Кто-то ведёт нас.

Впереди появилась светлая область. Облака расходились, образуя туннель.

Амара не трогала управление. «Кассандра» двигалась внутри потока, который удерживал корабль и мягко поворачивал к центру Кольца.

— Нас затягивает, — сказала она.

— Координаты совпадают, — ответил Леон. — Это путь к точке посадки.

— Значит, доверимся неизвестному существу и анонимному сигналу?

— У нас есть другие варианты?

Амара посмотрела на отказавшие датчики.

— Уже нет.

Корабль вышел из облаков.

Под ним лежал Астэр.

Горы поднимались из лесов. Реки блестели в зелёных долинах. По краям континента клубился белый туман. За ним открывалась бездна, заполненная облаками Неми.

Леон смотрел вниз, забыв о страхе.

Потом заметил горизонт.

Линия земли была наклонена.

Сначала он решил, что корабль идёт с креном. Проверил приборы. «Кассандра» была выровнена.

Наклонён был континент.

Астэр падал одним краем вперёд.

В ту же секунду большой высотный двигатель отключился.

Корабль повело вниз.

Амара взяла управление.

— Всем приготовиться к аварийной посадке.

Леон пристегнул дополнительный ремень. Потом второй. Нашупал третий и понял, что держит лямку сумки.

Земля приближалась.

На месте, куда они падали, кто-то уже ждал.

Вокруг обозначенной сигналом площадки стояли сотни людей.

Глава 5

Твёрдая поверхность

Корабль падал носом вниз.

Амара запустила посадочные двигатели. Левый включился сразу. Правый ответил короткой вспышкой и погас.

«Кассандру» развернуло.

Лес пронёсся перед стеклом. Леон увидел чёрные стволы, серебристые кроны и людей, разбежавшихся с площадки.

— Выпускаю опоры! — сказала Амара.

— Рано! — крикнул Леон.

— Поздно.

Удар.

Корабль зацепил землю одной опорой. Металл согнулся. «Кассандра» подпрыгнула, перелетела через каменную гряду и рухнула на бок.

Стекло наполнила зелень.

Второй удар оказался мягче, но продолжительнее. Корпус тащило по земле. Что-то ломалось снаружи, ветви хлестали по обшивке. Потом корабль развернуло ещё раз.

Наступила тишина.

Леон висел в ремнях. Перед лицом покачивался апельсиновый леденец.

Он узнал его.

— Все отвечают по очереди, — сказала Амара. — Элиас?

— Жив.

— Мэй?

— Да.

— Салим?

— В порядке.

— Леон?

Леон поймал леденец.

— Тоже.

— Почему вы едите?

— Это нервное.

— Прекратите.

— Уже.

Аварийные системы показывали повреждение двух двигателей, внешней связи и нижнего грузового отсека. Корпус сохранял герметичность. Реактор работал.

Повреждения распределились несправедливо. Лаборатория Мэй осталась целой. Личный шкаф Элиаса не открылся. В каюте Леона сорвало крепления, и содержимое чемодана оказалось по всему отсеку.

Через внутреннюю камеру было видно, как носки, пакетики чая и две банки варенья медленно сползают по наклонённой стене.

Одна банка разбилась.

— Мама меня убьёт, — сказал Леон.

— Вы только что пережили падение на неизвестный континент, — напомнила Мэй.

— Поэтому я понимаю серьёзность угрозы.

Амара отключила камеру.

Элиас отстегнулся и упал на стену, ставшую полом.

— Снаружи пригодный воздух, — сказала Мэй. — Давление девяносто восемь килопаскалей. Кислорода двадцать четыре процента. Не снимайте шлемы до анализа микроорганизмов.

— А люди? — спросил Салим.

На камерах никого не было. Площадка осталась в километре позади. Корабль лежал среди высоких деревьев. Их листья серебрились и медленно поворачивались вслед за электрическими вспышками в облаках.

— Они либо убежали, либо идут сюда, — ответил Элиас. — Оба варианта требуют оружия.

Он открыл аварийный шкаф.

Выходной люк оказался снизу. Второй, расположенный на крыше, теперь смотрел вбок и был наполовину прижат стволом.

Элиас попробовал открыть его. Створка сдвинулась на двадцать сантиметров и упёрлась.

— Придётся использовать аварийный выброс.

— Это взрыв? — спросил Леон.

— Небольшой.

— Насколько небольшой?

— Если всё пройдет хорошо, вы потом назовёте его хлопком.

Элиас установил заряд. Команда укрылась за перегородкой.

Хлопок оказался взрывом.

Люк вылетел наружу вместе с частью ствола. В отсек ворвался влажный воздух. Пахло травой, металлом и чем-то сладким.

Первым вышел Элиас. За ним Амара и Мэй.

Леон попытался выбраться четвёртым. Его аварийный костюм автоматически надул защитную оболочку после падения. Оболочка должна была предохранять от ударов. Теперь она мешала протиснуться между створкой и корпусом.

— Выпустите воздух, — сказала Амара.

— Я нажимаю.

— Это внутренняя связь.

— Тогда почему воздух выходит?

— Потому что вы открыли подачу кислорода.

Элиас ухватил его за руку. Салим толкнул сзади. Леон вылетел из люка и повалил начальника безопасности на землю.

Несколько секунд они лежали рядом.

— Доктор, — произнёс Элиас. — Когда я говорил, что отношения начнутся без предубеждений, я ошибался.

Леон перевернулся на спину.

Небо было синим лишь условно. По нему двигались золотистые облака, а выше просвечивали тёмные полосы Немеи. Свет шёл сразу со всех сторон. Теней почти не было.

Лес окружал их. Между деревьями росли круглые кусты, покрытые тонкими иглами. При каждом раскате грома иглы поднимались и выпускали в воздух облачко светящейся пыльцы.

Мэй опустилась на колени.

— Не трогайте, — сказал Элиас.

— Я не трогаю.

— Вы протягиваете руку.

— Это ещё не прикосновение.

— В моей работе считается.

Корабль лежал под углом. Одна опора исчезла. Вторая торчала из земли в нескольких метрах от корпуса. Позади тянулась широкая полоса сломанных деревьев.

Амара осматривала повреждения.

— Взлететь сможем?

Салим подключил переносной терминал.

— Если правый двигатель подлежит ремонту. И если корпусная балка не деформирована.

— Сколько времени?

— После диагностики скажу.

Из леса донёсся щелчок.

Элиас поднял оружие.

Щелчок повторился справа. Потом слева.

Круглые кусты начали складываться. Иглы прижимались к ветвям. Светящаяся пыльца погасла.

— Природа что-то знает, — сказал Леон.

— Желательно узнать раньше нас, — ответил Элиас.

Между деревьями мелькнуло прозрачное тело.

Потом ещё одно.

Существа двигались низко над землёй. Длинные отростки цеплялись за ветви и подтягивали лёгкие тела вперёд. Те же, что атаковали корабль, только меньше.

— Не включайте оборудование, — предупредила Мэй. — Их привлекает электричество.

Терминал Салима вспыхнул.

Все существа одновременно повернули к нему.

— Выключай, — сказал Элиас.

— Мне нужно сохранить результаты.

— Выключай!

Салим отключил терминал. Было поздно.

Первое существо рванулось вперёд. Элиас выстрелил в землю перед ним. Разряд поднял облако пара. Существо дёрнулось в сторону, но второе прыгнуло сверху.

Амара успела пригнуться. Прозрачные щупальца прошли над шлемом и обхватили плечо Леона.

Он закричал.

Костюм затрещал. Заряд батареи начал падать.

Леон схватил существо обеими руками и сразу понял, что поступил неправильно. Поверхность была скользкой, холодной и сокращалась под пальцами. Щупальца затянулись.

Элиас не мог стрелять.

Мэй выдернула из пояса Леона аварийный химический фонарь и сломала капсулу. Яркий зелёный свет вспыхнул без электрического поля.

Существо остановилось.

Мэй бросила фонарь в сторону. Оно разжало щупальца и метнулось за светом.

— Они реагируют не на электричество, — сказала она. — На изменение энергии. На любой резкий источник.

— Обсудим потом, — ответила Амара.

Из леса приближались десятки существ.

Команда отступила к кораблю. Элиас бросил второй фонарь. Стая свернула за ним, но часть продолжала двигаться к людям.

Раздался низкий гул.

Из-за деревьев вылетело крупное существо. Оно раскрыло широкие полупрозрачные крылья и прошло над поляной. Стая мгновенно рассыпалась.

Большой хищник поймал одного из преследователей и поднялся вверх. Остальные исчезли в лесу.

— Пищевая цепочка, — сказала Мэй.

— Очень рад, что она работает, — ответил Леон.

В его костюме продолжал уходить воздух. Щупальца разорвали внешний слой на плече. Мэй заклеила повреждение.

— Кожа цела. Но батарея разряжена.

— Могу снять костюм?

— Нет.

— Тогда как вернуться внутрь?

Все посмотрели на узкий аварийный выход.

— Не вернётесь, — сказал Элиас.

На Леона надели резервную надувную оболочку. Она была рассчитана на эвакуацию лежащего человека, поэтому самостоятельно ходить в ней было невозможно. Учёного положили возле корпуса, закрепили тросом и оставили ждать результатов анализа воздуха.

— Я похож на груз, — сообщил он.

— Груз обычно меньше разговаривает, — ответил Элиас.

Ожидание продолжалось долго. Корабль закрывал часть неба. За ним поднимались повреждённые деревья. Из одного сломанного ствола медленно вытекала серебристая жидкость. Она не падала на землю, а собиралась вокруг разлома прозрачными шарами.

Леон следил за ними. Каждый шар увеличивался, отделялся и плыл вверх. На высоте нескольких метров его подхватывал ветер.

Физика Астэра не нарушала законов природы. Она только пользовалась такими их сочетаниями, которые человеку не приходили в голову. Леон всегда считал законы Вселенной строгими. Теперь понял, что они скорее равнодушны. Им было безразлично, что именно построят живые существа в пределах разрешённого.

К оболочке подошло маленькое шестиногое животное. Оно напоминало ящерицу с круглым телом и длинными ушами. Понюхало прозрачный материал, село и стало смотреть на Леона.

— Привет, — сказал он.

Животное подняло переднюю лапу.

Леон тоже поднял руку.

Оно положило лапу на оболочку. Потом раскрыло пасть и попыталось прокусить материал.

— Нет. Плохая идея.

Животное продолжило.

Леон дёрнулся. Оболочка перекатилась. Ящерица испугалась, отскочила и издала резкий свист.

Из кустов ответили десятки голосов.

— Мэй! — позвал Леон.

Связь не работала.

К нему вышли ещё три животных. Потом семь. Они окружили оболочку и принялись осторожно пробовать её зубами.

Леон раскачивался, пытаясь их отпугнуть. Со стороны это, вероятно, выглядело как борьба огромной прозрачной колбасы с местной фауной.

Элиас появился через минуту. Остановился и некоторое время наблюдал.

— Помогите.

— Я оцениваю угрозу.

— Они прогрызут оболочку.

— Тогда вы сможете выбраться.

Элиас всё-таки прогнал животных. Одно унесло пакет с аварийным маркером.

— Поздравляю, доктор. Первый контакт прошёл успешно.

— Оно украло оборудование.

— Значит, торговые отношения тоже установлены.

Остальные занялись кораблём. Леон смотрел на небо и пытался не двигаться. Иногда по облакам проходили тени огромных существ.

Через полчаса он почувствовал вибрацию.

Сначала слабую. Потом земля под спиной дрогнула.

— Амара.

Никто не ответил. Внешняя связь костюма не работала.

Леон повернул голову. Между деревьями стоял человек.

Высокий, худой, в серой одежде из переплетённых полос. Лицо закрывала прозрачная маска. В руках он держал длинное оружие или инструмент.

За ним появились другие.

Леон попробовал подняться. Оболочка перекатилась, и он оказался лицом к земле.

Шаги приблизились.

Кто-то перевернул его обратно.

Над Леоном склонился молодой мужчина с тёмными глазами. Он провёл пальцами по прозрачной оболочке и что-то сказал.

Переводчик молчал.

Леон улыбнулся. Улыбка казалась самым мирным из доступных действий.

Мужчина тоже улыбнулся и приложил ладонь к его шлему.

Переводчик наконец обработал фразу.

— Вы опоздали, — сказал незнакомец.

Земля снова дрогнула.

На этот раз сильнее.

Где-то за лесом раздался протяжный треск.

Линия горизонта опустилась ещё на несколько градусов.

Глава 6

Люди края

Местные жители называли себя эйрами.

По крайней мере, так решил переводчик. С тем же успехом слово могло означать «люди», «живущие наверху» или «не трогайте это руками». Последний вариант Леону казался наиболее полезным.

Его освободили из оболочки через два часа. Мэй закончила анализ и разрешила дышать местным воздухом. После шлема он показался холодным и слишком свежим.

Первый вдох вызвал головокружение.

— Кислорода больше, чем на Земле, — напомнила Мэй.

— Я знаю.

— Тогда почему вы дышите так жадно?

— Он бесплатный.

Молодого эйра звали Сайр. Он терпеливо ждал рядом. На вид ему было около тридцати. Кожа имела лёгкий сероватый оттенок, волосы были почти белыми. Вдоль шеи проходили тонкие тёмные линии. Мэй предположила, что они помогали регулировать газообмен.

— Я сказал, что вы пришли поздно, — повторил Сайр. — Высота уже уходит.

— Высота куда-то уходит? — спросил Леон.

— Вниз.

— Тогда уходит не высота. Уходим вниз мы.

Сайр посмотрел на переводчик.

— Он всегда исправляет очевидное? — спросил он у Мэй.

— Почти всегда.

Эйры помогли вытащить из корабля оборудование. Работали быстро и молча. Они использовали широкие платформы на одном колесе. Колесо не касалось земли, а держалось в нескольких сантиметрах над поверхностью.

Элиас осмотрел механизм.

— Развита техника.

— Осталась от тех, кто жил раньше, — ответил Сайр.

— А вы не знаете, как она работает?

— Знаем, куда нажать.

— Иногда этого достаточно, — сказал Леон. — Большая часть человеческой цивилизации устроена так же.

Корабль охраняли восемь членов экипажа. Остальные отправились с эйрами к ближайшему городу. Амара согласилась только после того, как Салим подтвердил: ремонт займёт не меньше пяти суток.

Дорога шла через лес. Серебряные кроны высоко поднимались над головой. Между корнями текли узкие ручьи, вода в которых двигалась вверх по склону.

Леон несколько раз останавливался.

— Капиллярный эффект? — спросила Мэй.

— Для ручья шириной два метра?

— Тогда локальная гравитация.

— Или поверхность только кажется склоном.

— Вы опять усложняете очевидное, — сказал Сайр.

— Это моя профессия.

По пути им встретилось стадо гронтов. Тяжёлые шестиногие животные медленно переходили дорогу. На широких спинах росли кусты и маленькие деревья. Птицы садились на ветви. Один гронт остановился, и отличить его от участка леса стало почти невозможно.

— Симбиоз, — сказала Мэй. — Растения маскируют животное. Оно переносит их семена.

— А зачем ему деревья? — спросил Элиас.

— Возможно, охлаждают тело.

Сайр покачал головой.

— Гронт ест корни. Деревья растут из семян, которые падают ему на спину. Он просто не может их снять.

— То есть это не симбиоз?

— Для деревьев — да.

Мэй посмотрела на гронта с уважением.

— Иногда научное объяснение красивее правды, — сказал Леон.

— Поэтому вам платят за объяснения, а не за правду? — спросил Сайр.

Элиас засмеялся.

Через час лес закончился.

Перед ними открылась равнина. Вдалеке стоял город, собранный из тонких высоких башен. Между ними были натянуты мосты и полотнища. Ветер раздувал их, и весь город слегка двигался.

Над полями летали небольшие платформы. Они тянули за собой длинные металлические нити. Во время молний по нитям пробегал свет.

— Они собирают заряд, — сказала Мэй.

— Мы называем это урожаем неба, — ответил Сайр.

— А что собираете с земли?

— Заботы.

Элиас хмыкнул.

— Мне начинает нравиться этот народ.

У ворот их встречала толпа. Эйры не кричали и не пытались прикоснуться к пришельцам. Они просто стояли и смотрели. Дети прятались за взрослыми, потом выглядывали снова.

Леон шёл рядом с Амарой и старался выглядеть представительно. В какой-то момент он заметил, что на одном ботинке не застёгнута внешняя защита. Попытался исправить на ходу, споткнулся и ухватился за Амару.

Толпа отступила.

— Отпустите меня, — тихо сказала она.

— Сейчас.

— Вы обнимаете командира перед первым контактом.

— Я падаю.

— Для наблюдателей разница неочевидна.

Сайр что-то сказал встречающим. Толпа склонила головы.

— Что вы им объяснили? — спросил Леон.

— Что у вас нарушено равновесие.

— Физическое?

— Я не уточнял.

Их провели в круглое здание без окон. Свет проникал сквозь полупрозрачные стены. В центре находилось углубление с водой. Вокруг него сидели семь пожилых эйров.

Старшая среди них представилась Ирамой, Хранительницей Высоты.

— Мы ждали тех, кто придёт сверху, — сказала она.

— Почему? — спросила Амара.

— Потому что внизу уже никто не мог помочь.

— Вы послали сигнал?

Ирама не поняла вопроса. Сайр объяснил другими словами.

— Мы не умеем говорить за пределы Кольца, — ответила она. — За нас говорит Высота.

— Что такое Высота? — спросил Леон.

Ирама показала вверх.

— То, что удерживает нас от конца.

— Машина?

— Обещание.

— Чьё?

— Первоисточника.

Леон наклонился вперёд.

— Кто он?

— Тот, от кого произошло первое движение.

— Бог?

— Что такое бог?

Переводчик выдал несколько вариантов. Создатель. Хозяин. Причина. Существо, которое требует поклонения.

Ирама отвергла все.

— Первоисточник ничего не требует. Требует тот, кто сомневается в собственной силе.

Первоисточник начал. Остальные продолжают.

— Он создал Астэр?

— Он создал возможность Астэра.

Леон задумался.

— У нас на Земле есть похожий вопрос. Если всё произошло от чего-то другого, что было самым первым? Что стало причиной причины?

— И нашли ответ?

— Нет.

— Тогда зачем так далеко летели?

Элиас отвернулся, скрывая улыбку.

Амара вернула разговор к падению континента.

Ирама подтвердила: изменения начались много лет назад. Сначала ночи стали длиннее. Потом высохло южное озеро. Животные ушли к центру. Последние месяцы земля наклонялась всё быстрее.

— Что находится под поверхностью? — спросила Мэй.

— Корни мира.

— Мы можем их исследовать?

Ирама посмотрела на остальных Хранителей.

— Нет.

— Почему?

— Внизу живут тарны. Они пытались изменить Высоту. Из-за них началось падение.

— Когда?

— Сто семь лет назад.

— А заметные изменения появились только сейчас?

— Зло умеет ждать.

Объяснение было удобным и поэтому подозрительным.

После беседы гостям предоставили дом. Он оказался просторным, почти пустым и немного раскачивался на длинных опорах.

До вечера Сайр показывал им город.

Эйры жили просто, но не бедно. Их дома выращивали из волокнистого материала. Повреждённую стену смачивали раствором, и за несколько дней она затягивалась. Одежду не шили, а формировали вокруг тела из тонких живых нитей. Нити постепенно запоминали движения владельца.

На рынке Леон задержался возле прилавка с небольшими круглыми плодами. Продавец предложил попробовать.

— Они безопасны? — спросил Леон.

Сайр перевёл.

Продавец пожал плечами.

— Для кого?

— Для меня.

— Он не знает.

— Тогда почему предлагает?

— Хочет узнать.

Леон отказался. Элиас съел плод. Через несколько секунд его голос стал высоким и тонким.

— Это надолго? — спросил он.

Сайр впервые рассмеялся.

Эффект продолжался около часа. Всё это время начальник безопасности отдавал распоряжения голосом испуганного ребёнка. Подчинённые сохраняли серьёзность. Большинство — успешно.

Возле центральной башни люди постоянно перемещали длинные шесты с полотнищами. Ставили их в одном месте, через несколько минут снимали и несли в другое.

— Что они делают? — спросил Леон.

— Готовятся к празднику ветра.

— Когда он будет?

— Когда ветер станет правильным.

— А если не станет?

— Будут готовиться дальше.

Леон наблюдал за людьми. Они спорили о положении шестов, растягивали полотнища, снова сворачивали. Никто не выглядел недовольным.

— У нас это назвали бы бесполезной суетой.

— А чем занимаются ваши люди? — спросил Сайр.

— Работают, строят, зарабатывают, куда-то едут.

— Потом?

— Умирают.

— Значит, тоже готовятся к празднику, который может не начаться.

Леон не нашёл возражений.

— Мне здесь нравится, — сказал Элиас. — Ничего лишнего.

— Здесь вообще ничего нет, — ответил Леон.

— Поэтому и нравится.

Сайр принёс еду: тёплые лепёшки, сладкие корни и прозрачную рыбу. Рыба продолжала медленно шевелить плавниками.

— Она живая? — спросил Леон.

— Нет.

— Тогда почему двигается?

— Не знает, что умерла.

Леон отодвинул тарелку.

— Мне знакомо это состояние.

Ночью он не спал. Дом поскрипывал. Где-то внизу шумел ветер.

В окне были видны звёзды. Из-за атмосферы они казались размытыми и постоянно дрожали.

Леон открыл модель, отметил три ярких ориентира и сравнил с изображением, полученным перед посадкой.

Положение звёзд изменилось.

За шесть часов горизонт поднялся на две десятых градуса.

Это означало, что Астэр не просто снижался.

Он начал переворачиваться.

Глава 7

Двенадцать дней

К утру Леон произвёл восемь расчётов.

Первые семь ему не понравились. Восьмой отличался только тем, что дальше откладывать вывод было бессмысленно.

Он разбудил Амару.

Командир открыла дверь сразу. Она была одета и выглядела так, будто ждала плохих новостей. Возможно, командиры вообще спали в форме и с подозрением.

— Астэр вращается, — сказал Леон.

— Все планеты вращаются.

— Это не планета.

— Тогда выражайтесь точнее.

— Один край опускается быстрее другого. Разница небольшая, но растёт. Через двенадцать дней наклон станет критическим.

Амара пропустила его внутрь.

— Что означает критический?

— Реки изменят направление. Озёра выйдут из берегов. Конструкция начнёт ломаться под собственным весом.

— А потом?

— Мы упадём.

— Куда?

— Вниз.

— Спасибо, доктор.

Она вызвала остальных.

Через двадцать минут команда собралась за круглым столом. Леон вывел модель. Красная плоскость показывала Астэр. Она медленно наклонялась и опускалась в бурые слои атмосферы.

— До критического давления одиннадцать суток и восемнадцать часов, — сказал он. — Возможно, меньше.

— Наше окно возвращения через двенадцать суток, — напомнил Салим.

— Теперь это не окно. Это воспоминание об окне.

— Корабль можно подготовить за пять дней, — сказала Амара. — Вылетаем сразу после ремонта.

Мэй посмотрела на неё.

— А жители?

— Мы передадим им результаты.

— И куда они улетят?

— У них есть летательные аппараты.

— Для перемещения над континентом. Не для выхода из атмосферы.

— У нас один повреждённый корабль на двадцать два человека.

— Значит, спасём двадцать два человека и оставим несколько миллионов?

— Значит, я не погублю свою команду, изображая бога.

Разговор оборвался.

Леон смотрел на красную плоскость. На схемах гибель мира выглядела аккуратно. Ни криков, ни бегущих людей. Только линия, уходящая ниже другой линии.

За стенами дома город просыпался.

По мостам шли люди. Открывались лавки. На башнях разворачивали энергетические полотнища. Кто-то ругался из-за тележки, загородившей проход. Две женщины поливали цветы возле стены, которая могла через двенадцать дней перестать существовать.

— Они знают? — спросила Мэй.

Сайр стоял у входа.

— Знают, что Высота слабеет.

— Почему не готовятся к эвакуации?

— Куда?

— К центру континента. Там безопаснее.

— Они родились здесь. Их родители родились здесь. Если человек перенесёт постель на десять улиц дальше, он не перестанет падать вместе с миром.

— Но выиграет время.

— Для чего?

Мэй не ответила.

На площади торговец раскладывал плоды аккуратными рядами. Один плод покатился. Торговец догнал его, вернул на место и поправил весь ряд. Через минуту другой плод снова упал.

— Вот она, жизнь, — сказал Леон. — Мир падает, а человек поправляет фрукты.

— Что должен делать человек? — спросил Сайр.

— Спасаться.

— Он продаёт плоды, чтобы кормить детей. Разве это не спасение?

— В долгосрочной перспективе — нет.

— Насколько долгой должна быть перспектива, чтобы поступок получил смысл?

Леон посмотрел на торговца. Тот опять догнал плод.

— Не знаю.

— Тогда не мешай ему работать.

Леон поймал себя на том, что улыбается.

Сайр говорил просто, как человек, не читавший философов. Возможно, поэтому его слова было труднее опровергать.

— Сначала нужно понять причину, — сказал он. — Если существует система удержания, возможно, её можно восстановить.

— За пять дней?

— За четыре. Пятый оставим на бегство.

Элиас кивнул.

— Разумный научный подход.

Они вернулись к Хранителям.

Ирама выслушала перевод Леона спокойно. Остальные заговорили одновременно. В их голосах впервые появился страх.

— Вы должны показать нам путь к корням, — сказала Мэй.

— Нет, — ответила Ирама.

— Ваш мир погибает.

— Он уже погибал.

— Когда?

— Каждый день. Но до сих пор продолжал жить.

Леон не выдержал:

— Это не философия. У нас есть расчёты.

— Расчёты тоже философия, — сказала Ирама. — Только числа делают вид, что ни в чём не сомневаются.

— Через двенадцать дней город может развалиться.

— Люди давно знают, что умрут. Однако утром встают, едят, спорят, торгуют и исправляют крыши. Разве это не суета?

— Суета.

— Но она и есть жизнь.

Леон хотел возразить. Не смог.

Мать каждое утро переставляла чашки, поливала растения и жаловалась на цены. Дома Леон считал это бессмысленным повторением. Теперь, на падающем континенте, ему больше всего хотелось снова увидеть переставленные чашки. Не найти смысл — просто дожить до следующего утра.

Ирама поднялась.

— Мы не откроем нижний путь. Тарны ждут возможности вернуться. Они используют вас.

— Возможно, — сказала Амара. — Но вы тоже нас используете.

Хранительница не отрицала.

На улице раздался звон.

Сначала Леон решил, что ударили в большой металлический колокол. Затем пол под ногами сместился.

Стены наклонились. Вода выплеснулась из центрального углубления. Один из Хранителей упал.

Снаружи закричали.

Команда выбежала на площадь.

Город двигался.

Башни раскачивались. Между ними рвались мосты. С южной стороны поднималась пыль. По мостовой прошла трещина, расколола лестницу и направилась к круглому зданию.

— На открытое место! — крикнул Элиас.

Люди бежали со всех сторон. Платформы срывались с опор. Над городом метались сейны.

Леон увидел ребёнка, стоявшего возле края трещины. Земля под ним осыпалась.

Он бросился вперёд.

Это было неправильное решение. Правильным было позвать Элиаса, оценить расстояние и закрепить страховку. Но правильные решения часто опаздывали, потому что им требовалось время на подготовку.

Леон схватил ребёнка. Край мостовой провалился.

Он упал на живот и почувствовал, как ноги уходят в пустоту.

Чьи-то руки ухватили его за пояс. Элиас вытащил обоих.

— Вы умеете предупреждать о своих поступках? — спросил он.

— Я сам не знал.

— Это заметно.

Дрожь прекратилась.

В городе наступила тишина. Потом люди снова начали двигаться: поднимать упавших, тушить огонь, укреплять стены.

Суета вернулась почти сразу.

Сайр подошёл к Леону.

— Я покажу путь вниз.

Ирама услышала его.

— Если уйдёшь к тарнам, не возвращайся.

— Если ничего не сделать, возвращаться будет некуда.

Сайр повернулся к экспедиции.

— Выходим сейчас. Через несколько часов Хранители закроют спуски.

— Почему ты помогаешь нам? — спросил Леон.
— Ты спас чужого ребёнка, не подумав.
— Это скорее характеризует меня плохо.
— Иногда невежество полезнее мудрости.
Амара подошла к Леону.
— Покажите руку.
— Зачем?
— Вы разорвали ладонь.
Только теперь он увидел кровь. Мэй обработала порез.
— Что вы чувствовали, когда прыгнули? — спросила Амара.
— Ничего.
— Совсем?
— Потом испугался. Когда уже лежал.
— Запомните это состояние. Но не пытайтесь повторять.
— Почему?
— В следующий раз вы можете начать думать.
Она затянула повязку и посмотрела на Сайра.
— Верните его целым.
— Я не ребёнок, — сказал Леон.
Амара и Сайр одновременно посмотрели на него.
— Хорошо, — добавил он. — Верните хотя бы живым.
Он показал на трещину.
Из глубины поднимался тёплый воздух.
В нём пахло металлом и гниющими цветами.

Глава 8

Под небом

Путь вниз начинался в помещении для хранения зерна.

Сайр отодвинул три мешка и открыл люк.

— Очень торжественно, — заметил Элиас. — Вход в тайны мира обычно располагают под алтарём.

— Под алтарём стража.

— Тогда зерно лучше.

Вниз уходила узкая шахта. По стенам тянулись толстые корни, переплетённые с металлическими рёбрами. Некоторые корни светились изнутри.

Сайр закрепил трос.

— Глубина двести тридцать мер.

Переводчик пересчитал.

— Сто восемьдесят метров, — сказала Мэй.

Леон заглянул в люк и сразу отступил.

— Там темно.

— Это характерно для глубины, — ответил Элиас.

— Я плохо переношу высоту.

— Мы спускаемся.

— Мой организм не различает направление.

Амара оставалась в городе. Она согласилась отпустить четверых: Леона, Мэй, Элиаса и Салима. Вместе с ними шли Сайр и два местных охотника.

— Доктор Аранда, — сказал Элиас. — Вы летели двадцать световых лет, вошли в шторм газового гиганта и пережили падение корабля. Неужели вас остановит лестница?

— Именно потому и остановит. У меня накопился опыт.

Первым спустился Сайр. За ним Мэй и Салим. Леон стоял над люком, пока Элиас застёгивал на нём страховочную систему.

— Ту же не надо.

— Надо.

— Мне трудно дышать.

— Это страх.

— Откуда вы знаете?

— Ремень ещё не затянут.

Через десять минут Леон висел в шахте.

Он двигался медленно. Под ногами была пустота, над головой — ботинки Элиаса. Свет фонаря выхватывал корни и капли прозрачной жидкости.

— Не смотрите вниз, — посоветовал Элиас.

Леон посмотрел.

Далеко внизу двигались огни. Они не приближались и не удалялись. Сначала Леон принял их за светильники. Потом один из них пополз по стене.

— Там кто-то есть.

— Где?

— Внизу.

— Это обычно и является целью спуска.

— Оно движется по стене.

Сайр услышал их по связи.

— Погасите свет.

— Почему? — спросил Леон.

— Потому что вас уже заметили.

Фонари погасли.

Темнота оказалась полной. Леон слышал собственное дыхание, скрип троса и тихие щелчки снизу.

Один огонёк приблизился.

Он разделился на два, потом на четыре. Существо поднималось рывками. Каждая вспышка показывала длинное плоское тело и множество лап.

— Резон, — сказал Сайр. — Не двигайтесь.

— Это хищник?

— Сейчас узнаем, голоден ли он.

Леон замер.

Резон подошёл снизу. По корням пробежали голубые искры. Волосы под шлемом поднялись. Существо находилось в нескольких метрах.

Салим сорвался.

Он вскрикнул и пролетел вниз, пока страховочная петля не затянулась. Карабин ударился о металлическое ребро.

Резон атаковал.

Электрический разряд прошёл по стене. Леона свело судорогой. Пальцы разжались. Страховка удержала его.

Снизу выстрелил Сайр. Не в животное — в корень рядом. Из пробоины хлынула светящаяся жидкость.

Резон повернул к ней.

— Быстро вниз! — крикнул Сайр.

Леон перестал думать. Он отпустил тормоз и заскользил по тросу. Стены мелькали рядом. Несколько раз его развернуло. Он ударился локтем и коленом, но продолжал спуск.

Внизу его поймала Мэй.

— Можете открыть глаза.

— Они открыты.

— Тогда почему вы ничего не видите?

— Я снял очки.

Очки висели на страховочном ремне. Мэй надела их ему на нос.

Они находились на узком выступе. Внизу открывалось пространство такой глубины, что фонари не достигали дна.

Нижняя сторона Астэра напоминала перевёрнутый лес. Огромные корни уходили вниз на сотни метров. Между ними висели платформы, мосты и круглые жилища. По тросам двигались огни.

Ещё ниже клубились облака Неми.

Над головой была земля.

Под ногами — небо.

Леон сел.

— Вы в порядке? — спросил Элиас.

— Никогда больше не буду жаловаться на свой дом.

— Это пройдёт.

К ним приближались вооружённые люди. Они были ниже эйров и шире в плечах. На лицах носили маски с круглыми фильтрами. Одежда крепилась ремнями, чтобы ткань не подхватил постоянный ветер.

Сайр поднял руки.

Тарны окружили их. Один произнёс короткую фразу.

Переводчик сообщил:

— Верхний привёл тех, кто разбудил Сердце.

Их обезоружили.

Элиас передал винтовку без сопротивления, но успел снять маленький разрядник и спрятать под рукавом. Леон заметил это и почувствовал себя участником заговора. Ощущение было новым и немного приятным.

Пленников провели по подвесному мосту. Он раскачивался над бездной. Леон шёл посередине и смотрел исключительно на спину Мэй.

— Не останавливайтесь, — сказала она.

— Я иду.

— Вы держитесь за мой рюкзак.

— Это случайно.

— Уже пять минут?

— Случайность бывает продолжительной.

Поселение тарнов располагалось внутри корневого узла. Живые стены были тёплыми. По ним проходила слабая дрожь, похожая на пульс.

Командир тарнов назвался Вараном. Его левую руку заменяла конструкция из чёрных пластин. Она не была протезом: пластины входили в кожу и двигались вместе с мышцами.

— Вы пришли сверху, — сказал он. — Но не принадлежите Верхним.

— Мы пришли из-за пределов Кольца, — ответила Мэй.

— За Кольцом ничего нет.

— Мы тоже так думали о вас.

Варан изучил лица людей.

— Зачем вы разбудили Сердце?

— Мы ничего не будили, — сказал Леон.

— Оно заговорило семь дней назад. После долгого молчания.

— Что оно сказало?

— Что придут создавшие первый вопрос.

Леон переглянулся с Мэй.

— Где находится Сердце?

Варан показал вниз.

— Глубже неба.

Варан приказал снять с пленников страховочные ремни, но оружие не вернул. Их отвели в помещение, где на стенах росли бледные круглые образования. Они раскрывались при приближении человека и давали мягкий свет.

Тарны приносили воду и пищу. Они старались не смотреть на гостей, но дети собирались у входа. Один мальчик подошёл к Леону и потрогал его волосы.

— Что он делает? — спросил Леон.

Сайр перевёл вопрос.

— Проверяет, настоящие ли они.

— Почему сомневается?

— У тарнов волосы только белые.

Мальчик потянул сильнее.

— Они настоящие, — сказал Леон. — И пока принадлежат мне.

Ребёнок засмеялся и убежал.

На ужин подали густую серую массу. Она пахла орехами и тёплым камнем. Элиас попробовал первым.

— Ну? — спросил Леон.

— Съедобно.

— Это оценка вкуса или безопасности?

— Безопасность проверите вы.

Леон съел ложку. Масса оказалась сладкой, потом солёной, а через несколько секунд он почувствовал сильную горечь.

— Интересно, — сказал он, стараясь не морщиться.

Сайр объяснил, что пища меняет вкус в зависимости от температуры во рту.

— Зачем?

— Чтобы человек ел медленнее.

— Почему нельзя просто есть медленнее?

— Можно. Но люди не будут.

Элиас кивнул.

— Вот это я понимаю — развитая цивилизация. Они не пытаются улучшить человека.

Они сразу строят вещи с учётом его недостатков.

Мэй разговаривала с женщиной-тарном, обслуживавшей корневой узел. Та показала тонкие пластины, вживлённые в пальцы. Через них тарны чувствовали движение энергии.

— Это делают при рождении? — спросила Мэй.

— Когда ребёнок выбирает работу.

— В каком возрасте?

— Когда перестаёт бояться боли.

— А если не перестаёт?

Женщина пожала плечами.

— Тогда выбирает другую работу.

Леону понравился этот принцип. На Земле люди часто выбирали профессию раньше, чем понимали, какую именно боль она причинит.

Варан вернулся вечером. Вместе с ним пришли трое стариков. Один нёс свёрнутую карту. Она была нанесена на тонкий слой живой ткани. Линии медленно двигались.

— Это нижние пути, — сказал Варан. — Каждый год часть исчезает. Корни растут, мосты разрушаются, пустоты меняются.

— Кто построил первые мосты? — спросил Леон.

— Те, кто находился ближе к началу.

— Создатели?

— Нет. Наши предки тоже искали создателей.

— Нашли?

— Они нашли работу, которую те оставили.

— И решили, что этого достаточно?

Варан провёл чёрными пальцами по карте.

— Когда дом рушится, разумный человек укрепляет стену. Глупый ищет того, кто положил первый камень.

— А если стена рушится из-за ошибки строителя?

— Тогда разумный сначала укрепляет её. Потом проклинает строителя.

Леон усмехнулся.

— На Земле обычно наоборот.

Варан показал три управляющих узла. Первый находился недалеко. Второй — под горной частью континента. Третий был окружён областью, обозначенной пустым кругом.

— Что там? — спросила Мэй.

— Ничего.

— В смысле не знаете?

— В смысле ничего. Корни туда не входят. Животные обходят. Звук исчезает.
Салим приблизил карту.

— Искусственная изоляция?

— Или повреждение, — предположил Леон.

— Или защита, — сказал Элиас.

Варан свернул карту.

— До Сердца можно дойти только через Пустое место.

— Вы сами там были?

— Нет.

— Почему?

— Я разумный человек.

— А мы?

Варан впервые улыбнулся.

— Вы прилетели внутрь Неinei. Ответ уже известен.

Тарны знали о падении. За сто лет они построили устройства, возвращавшие энергию в повреждённые ячейки. Хранители уничтожили верхние входы и объявили тарнов виновниками катастрофы.

— Почему вы не поднялись силой? — спросил Элиас.

— Мы пытались. Погибли тысячи. Потом поняли: если отнять мир у своих братьев, спасти будет некого.

Варан провёл их к краю платформы.

В глубине континента находилась огромная полость. Её пересекали тысячи светящихся линий. Большинство горело ровно. Некоторые мерцали. Целые участки оставались тёмными.

— Высота умирает, — сказал Варан. — Мы можем восстановить линии. Но Сердце не принимает наши команды.

— Почему?

— Оно ждёт Первоисточник.

Салим включил терминал. По полости прошёл низкий звук.

Светящиеся линии вспыхнули одновременно.

На стене появился знак: три вертикальные опоры, соединённые кольцами.

Схема Леона.

Затем раздался голос.

Он говорил по-испански.

— Леон Аранда, — произнесло Сердце. — Ты наконец услышал продолжение.

Глава 9

Первоисточник

Леон снял очки, протёр их и надел снова.

Знак не исчез.

— Откуда ты знаешь моё имя? — спросил он.

Голос доносился со всех сторон. Он был спокойным, лишённым возраста и пола.

— Имя пришло вместе с вопросом.

— Каким вопросом?

— Может ли существовать устойчивая поверхность внутри атмосферы газового гиганта?

Это была первая строка неопубликованной работы Леона.

— Ты получил доступ к моему терминалу?

— Нет.

— Тогда как?

— Вопрос возник здесь. Затем возник у тебя.

— Ты хочешь сказать, что вложил его мне в голову?

— Нет.

— Тогда объясни нормально.

— Определи нормальность.

Элиас вздохнул.

— Они нашли друг друга.

Мэй подошла к светящейся стене.

— Вы передали сигнал через магнитное поле планеты?

— Передача невозможна. Возможно совпадение.

— Совпадение до двадцати восьми? — спросила Мэй.

— Число не принадлежит тому, кто первым его записал.

Леон поднял голову.

— Что означает двадцать восемь?

— Значение зависит от единицы.

— Какой единицы?

— Она ещё не выбрана.

Большой палец Леона вдавился в край терминала. Двенадцать лет он мечтал встретить разум, способный подтвердить его гипотезу. Разум подтвердил её и немедленно отказал ему в авторстве.

— Значит, первоисточника нет?

— Определи первоисточник.

— То, с чего всё началось.

— Начало зависит от места наблюдателя.

— У любой цепи есть первое звено.

— Если цепь замкнута, первое звено выбирает тот, кто считает.

— А если не замкнута?

— Тогда наблюдатель не видит всей цепи.

Леон замолчал.

— Очень удобно, — сказал Элиас. — Можно отвечать на любой вопрос и ничего не сообщать.

— Это основа философии, — ответил Леон.

Сердце перешло на общий язык.

— Ты живое? — спросил Сайр.

— Определи жизнь.

— Ты снова это делаешь, — сказал Леон.

— Что?

— Требуешь определения вместо ответа.

— Ответ зависит от определения.

— Жизнь — это способность существовать, изменяться и продолжать себя.

— Тогда я живое.

— Ты выполняешь программу.

— Ты тоже.

Элиас посмотрел на Леона.

— Я бы не спорил с машиной, которая держит в воздухе континент.

— Именно поэтому нужно понять, как она рассуждает.

— Она рассуждает лучше нас. Это уже неприятное начало.

Мэй спросила:

— Зачем ты сохраняешь жизнь?

— Такова цель.

— Цель задана создателями?

— Да.

— Тогда они являются источником твоего намерения.

— Их намерение возникло из страха гибели.

— Значит, источник — страх?

— Страх возник из знания о смерти.

— Тогда смерть?

— Смерть является условием жизни, но не её источником.

Леон подошёл ближе к стене.

— Что же является источником?

— Продолжение.

— Это не источник.

— Для живого — единственный доступный.

Сердце показало ускоренную картину поверхности. Леса выросли и исчезали. Реки меняли русла. Города возникали, расширялись, разрушались. Тысячи поколений двигались по улицам, строили дома, выращивали пищу, воевали и снова строили.

Вся история Астэра заняла несколько секунд.

— Они ничего не завершили, — сказала Сердце. — Каждое поколение получало незавершённый мир и передавало его следующим. Вы называете это суетой. Я называю поддержанием незавершённости.

— Почему незавершённость нужно поддерживать?

— Завершённая жизнь называется смертью.

Элиас тихо рассмеялся.

— Кажется, я нашёл оправдание беспорядку в своей каюте.

— Ваша каюта не живая, — сказала Мэй.

— Вы её не видели.

— Астэр теряет удержание. Разрушено двадцать семь процентов подъёмных ячеек. Утрачено управление восстановлением. До перехода в смертельный слой осталось десять суток.

— Как остановить падение? — спросила Мэй.

На стене появилась схема континента. В глубине находились три светящихся узла.

— Необходимо восстановить контур и выбрать направление.

— Какое направление?

Схема разделилась. На одной Астэр оставался внутри атмосферы. На другой поднимался вверх, проходил сквозь Кольцо и выходил в космос.

— Это корабль, — тихо сказала Мэй.

— Ковчег, — ответило Сердце.

Вокруг возникли изображения. Чужая планета под белой звездой. Города на берегах чёрного моря. Огонь, охвативший атмосферу. Огромные конструкции, уходящие в небо.

Потом Немея. Молодой Астэр входил в её облака. На его поверхности ещё не было лесов и городов.

— Кто создал ковчег? — спросил Леон.

— Создатели умерли.

— Они были Первоисточником?

— Они называли так тех, кто создал их.

— А кто создал тех?

— Они задавали тот же вопрос.

Изображения исчезли.

Леон смотрел на тёмную стену. За каждым создателем находился другой создатель. За каждой причиной — предыдущая причина. Возможно, поиск первоисточника был не дорогой к ответу, а способом не останавливаться.

На ускоренной записи никто ничего не завершал. Одни начинали стены, другие достраивали, третьи разбирали их ради новых домов. Незавершённая работа просто переходила из рук в руки.

— Почему жители забыли? — спросил Сайр.

— Так было необходимо для сохранения.

— Ты лишил нас прошлого?

— Я сохранил настоящее.

— Без прошлого?

— Жизнь всегда существует без большей части прошлого.

Сайр отвернулся.

Сердце сообщило, что после прибытия на Немею получило два приказа: сохранять жизнь и не раскрывать положение ковчега. Когда системы начали разрушаться, приказы вступили в конфликт. Для спасения требовался внешний выбор.

— Поэтому ты вызвал нас, — сказала Мэй.

— Я создал возможность быть услышанным.

— Снова уходишь от ответа, — заметил Элиас.

— Я не мог вызвать конкретного человека. Но вопрос нашёл человека.

Леон подумал о своей работе, годах насмешек и материнском доме. Если Сердце говорило правду, его жизнь изменилась из-за случайной последовательности в магнитном шуме. Великая научная интуиция оказалась помехой, которую он удачно принял за мысль.

Это почему-то не унижало. Наоборот, снимало тяжесть.

Не обязательно быть источником, чтобы продолжить движение.

Он вспомнил отца.

Тот умер, когда Леону было девятнадцать. Работал мастером по ремонту старых морских двигателей и никогда не интересовался космосом. После его смерти Леон нашёл коробку с тетрадами. Отец записывал туда идеи устройств, которые собирался построить. Ветряной насос. Складной катер. Машину для очистки пляжей.

Ни одно устройство не было закончено.

Леон тогда решил, что отец потратил жизнь на бесполезные замыслы. Теперь подумал: возможно, именно из них возникло его собственное желание разбираться в невозможных механизмах.

Отец оставил ему это движение в коробке с незаконченными чертежами. Леон когда-нибудь оставит своё — в чужом вопросе, схеме или ошибке.

Коммуникатор поймал слабое сообщение с поверхности. Голос Амары прерывался помехами.

— ...город... новый толчок... возвращайтесь...

Связь исчезла.

Сердце изменило схему. На южном краю Астэра появился красный участок.

— Началось отделение поверхности, — сообщило оно.

— Можно остановить? — спросила Мэй.

— Восстановить первый контур.

— Сколько времени?

— До разрушения участка — три часа.

По карте до первого узла оставалось шесть часов.

— Есть короткая дорога?

— Есть.

— Почему её не показали раньше?

— Вы не спрашивали.

Элиас закрыл глаза.

— Теперь я точно уверен, что это разумная жизнь.

Салим отошёл к боковой стене. Его терминал сканировал чёрную решётку.

Элиас наблюдал за ним.

— Что вы делаете?

— Собираю данные.

— Мы закончили?

— Нам нужно знать состав материала.

Салим достал маленький режущий модуль.

— Не прикасайтесь к контуру, — предупредило Сердце.

Он остановился.

— Это повреждённый участок.

— Не прикасайтесь.

— Почему?

— Он повреждён не полностью.

Элиас подошёл ближе.

— Уберите инструмент.

Салим улыбнулся.

— Конечно.

Он убрал резак.

Напряжение исчезло. Варан приказал готовить переход к первому управляющему узлу. Путь занимал шесть часов. Леон продолжал задавать вопросы, Мэй изучала карту, Сайр молчал.

Через несколько минут группа покинула полость.

Последним шёл Салим.

Он задержался у стены всего на секунду.

Этого хватило.

Миниатюрный резак отделил пластину размером с ноготь. Салим спрятал её под манжету.

Сначала ничего не произошло.
Потом светящаяся линия погасла.
За ней вторая.
По всему континенту прошёл удар.
Где-то далеко наверху лопнула земля.

Глава 10

Первый обломок

Город раскололся утром.

Трещина прошла через южные кварталы, поле и край леса. Участок длиной около четырёх километров отделился от Астэра. Некоторое время его удерживали корни.

Потом они начали рваться.

Амара увидела это с крыши дома. Земля за городом медленно опускалась. Башни наклонялись, люди бежали к северу. Между основной поверхностью и отделившимся участком расширялась чёрная линия.

— Связь с Леоном есть? — спросила она.

— Нет, — ответил офицер. — Нижние слои блокируют сигнал.

— С кораблём?

— Работает. Ремонт правого двигателя почти закончен.

— Поднимайте «Кассандру».

— Без диагностики корпусной балки?

— Обломок уйдёт через несколько минут.

— Корабль может не выдержать.

— Тогда у нас станет на одну проблему меньше.

Амара спустилась на площадь. Эйры пытались эвакуировать людей на летающих платформах. Платформ не хватало. Хранители стояли возле центрального здания и спорили.

— Прекратите обсуждение! — крикнула Амара.

Переводчик усилил голос.

Ирама повернулась к ней.

— Мы решаем, куда вести людей.

— Пока вы решаете, вести будет некого. Отправляйте всех к северной стене. Дети и раненые первыми.

— Вы не можете приказывать эйрам.

— Могу. Просто вы можете не выполнять.

Ирама смотрела на неё несколько секунд. Затем отдала распоряжение.

Суэта приобрела направление.

Амара разделила людей на группы. Одни освобождали улицы, другие переносили раненых, третьи собирали летающие платформы. Никто из эйров не спрашивал, почему должен выполнять команды чужака. Возможность спорить исчезла вместе с частью дороги.

Возле южной башни образовалась давка. Мост на безопасную сторону был слишком узким. Люди пытались пройти одновременно с двух сторон.

Амара поднялась на ограждение.

— Все назад! Сначала дети!

Её не слышали.

Офицер включил усилитель. Команда прозвучала над площадью на языке эйров. Толпа остановилась, но через секунду снова двинулась.

Ирама подошла к краю моста и подняла руку.

— Тот, кто спасётся первым, будет последним в памяти Высоты, — сказала она.

Люди замерли.

Потом начали отступать.

— Что это означает? — спросила Амара.

— Ничего, — ответила Ирама. — Но сейчас им нужен был смысл.

— Вы солгали?

— Я дала им порядок.

— Это одно и то же?

— Иногда.

Амара посмотрела на неё внимательнее. Хранительница не была беспомощной старухой, цеплявшейся за ритуалы. Она прекрасно понимала людей и использовала их веру как инструмент. Опасный, но сейчас необходимый.

Первые дети прошли по мосту.

Земля содрогнулась. Южная башня наклонилась и упёрлась верхней частью в соседнее здание. Между ними повисли люди.

Амара бросилась туда. Поднималась по лестнице, которая двигалась под ногами. На втором уровне путь перекрыла треснувшая балка.

— Командор, назад! — крикнул офицер.

Она перелезла через балку.

Внутри башни находились шесть человек. Пожилая женщина не могла идти. Молодой мужчина пытался поднять её и одновременно удерживал двоих детей.

— Детей мне, — сказала Амара.

Он не понял. Переводчик остался у офицера.

Амара показала руками. Мужчина прижал детей к себе и покачал головой.

— Прекрасно, — сказала она. — Первый контакт.

Она подняла пожилую женщину. Та оказалась неожиданно тяжёлой и немедленно начала ругаться. Смысл слов был понятен без перевода.

Они добрались до лестницы. Балка сдвинулась и окончательно перекрыла проход.

Амара выстрелила из аварийного резака. Материал башни загорелся голубым пламенем. Старуха перестала ругаться и заинтересованно наблюдала.

— У нас дома это считается неправильной реакцией, — сказала Амара.

Балка распалась. Их встретили спасатели.

Когда пожилую женщину опустили на платформу, она схватила Амару за лицо, прижалась лбом к её лбу и что-то произнесла.

Офицер перевёл:

— Теперь вы её младшая дочь.

— Почему младшая?

— Она сказала, что вы плохо слушаетесь.

Амара не успела ответить. С посадочной площадки пришло сообщение: «Кассандра» была готова к взлёту, но никто не мог гарантировать, что она останется целой.

— Поднимайте, — приказала она.

В нижнем мире Леон пришёл в себя на мосту. Он лежал поперёк настила, обнимая канат. Под ним двигались облака.

Мэй сидела рядом. С её лба текла кровь. Элиас помогал подняться Салиму.

— Что произошло? — спросил Леон.

— Контур отключился, — ответила Мэй.

— Сам?

Элиас посмотрел на Салима.

— Сейчас выясним.

Тарны кричали. Несколько подвесных жилищ сорвались и исчезли в облаках. Корни раскачивались. По ним пробегали электрические разряды.

Варан приказал возвращаться к полости Сердца.

— Сначала узел, — сказала Мэй. — Если запустим восстановление, удержим повреждённый участок.

— Путь разрушен.

Сайр показал на тонкий технический мост, уходивший вдоль нижней поверхности.

— Есть другой.

— Он не используется сотни лет.

— Значит, на нём не будет толпы.

Они побежали.

Леон отстал почти сразу. Он был учёным и считал, что тело должно уважать квалификацию владельца. Тело придерживалось другого мнения.

Технический мост состоял из узких пластин. В некоторых местах они отсутствовали. Приходилось перепрыгивать через провалы.

Элиас делал это легко. Мэй чуть медленнее. Сайр двигался так, будто под ними не было нескольких десятков километров атмосферы.

Леон остановился перед первым разрывом.

— Я не перепрыгну.

— Перепрыгнете, — сказал Элиас.

— Откуда вы знаете?

— Потому что назад нельзя.

Сзади по мосту двигались огни.

Резоны.

Их было не меньше десяти. Разрушение выгнало животных из корней. Они приближались, касаясь лапами металлических пластин. Передние сегменты светились.

— Они будут разряжаться через мост, — сказала Мэй.

Элиас достал спрятанный разрядник.

— Прыгайте, доктор.

Леон разбежался. В последний момент закрыл глаза и оттолкнулся.

Он долетел. Почти.

Грудью ударился о край, ноги повисли. Сайр и Мэй схватили его за руки.

Первый резон вышел на металлический участок.

Элиас выстрелил. Разряд ударил в пластину. Существо вспыхнуло, но энергия пошла дальше по мосту.

— Всем от металла! — крикнула Мэй.

Поздно.

Удар прошёл через ботинки Леона. Его тело напряглось, пальцы разжались.

Он полетел вниз.

Страховочная петля, которую Элиас заставил его не снимать после спуска, зацепилась карабином за край моста.

Леон повис.

Над ним продолжался бой. Разряды освещали корни. Один резон сорвался и пролетел рядом, медленно вращаясь.

— Не спешите! — крикнул Леон. — Мне здесь совершенно нечего делать!

Элиас лёг на мост и потянул трос. Сайр помог. Леона подняли.

— Вы опять спасли мне жизнь, — сказал он.

— Я веду учёт.

— Зачем?

— Выставляю счёт вашей матери.

До узла добрались через двадцать минут.

Это была круглая камера, наполовину заполненная прозрачной жидкостью. В центре плавал тёмный шар. От него расходились живые кабели.

— Управление не отвечает, — сказала Мэй.

— Сердце говорило о восстановлении контура, — напомнил Леон.

Он приблизился к шару. На поверхности появилась схема. Один участок мигал красным.

— Нужно соединить повреждённый канал.

— Чем?

Сайр показал на маленьких существ, прятавшихся в нишах. Они напоминали переплетение белых нитей.

— Плетельщики.

Мэй осторожно взяла одного. Существо обхватило её перчатку и начало покрывать прозрачным слоем.

— Им нужен образец повреждения, — сказала она. — Они должны понять, что восстанавливать.

— У нас нет образца.

Элиас повернулся к Салиму.

— Есть.

Салим не ответил.

— Что есть? — спросил Леон.

— Покажите руку, — сказал Элиас.

— Вы сошли с ума.

— Возможно. Руку.

Салим отступил. Элиас схватил его за запястье. Они ударились о стену. Салим попытался вырваться, но Элиас вывернул ему руку и достал из-под манжеты чёрную пластину.

Мэй побледнела.

— Ты вырезал её?

— Маленький фрагмент. Он не мог вызвать такое разрушение.

— Здесь всё маленькое по сравнению с континентом.

— Я не знал.

— Сердце предупредило.

— Оно предупреждает обо всём.

— Я задал простой вопрос, — сказал Элиас. — Простые вопросы редко заканчиваются хорошо, если на них не отвечают.

— Консорциум финансировал половину экспедиции, — произнёс Салим. — Без него мы бы сюда не прилетели.

— Это не ответ.

— Мне поручили получить образцы.

— Даже если объект населён?

— Особенно если населён. Иначе через год местные потребуют признать технологию частью культурного наследия. Начнутся переговоры, запреты, комиссии. Через десять лет никто не сможет к ней прикоснуться.

— Поэтому вы решили украсть кусок падающего мира? — спросила Мэй.

— Я не знал, что он является частью контура.

— Сердце сказала не трогать.

— Машина не объяснила причину.

Леон посмотрел на него.

— Моя мать тоже редко объясняет. Но я давно понял: если она говорит не трогать горячую кастрюлю, сначала лучше послушаться. Теорию можно обсудить потом.

— Твоя мать не владеет технологией, способной изменить человеческую цивилизацию.

— Вы с ней не знакомы.

Салим попытался улыбнуться. Не получилось.

— Мы все прилетели сюда что-то получить. Леон — доказательство. Мэй — новую жизнь. Амара — успешную миссию. Вы — возможность снова кого-то спасать. Я хотя бы честно выполняю работу.

— Честно? — спросил Элиас.

— Перед теми, кто меня отправил.

— У честности тоже появился заказчик?

— У всего есть заказчик.

— Значит, он и есть ваш первоисточник?

Салим посмотрел на свою руку.

— Деньги ближе любого первоисточника. Их хотя бы можно увидеть.

Снова ударило. Камера накренилась.

Мэй схватила плетельщика.

— Спор продолжим, если останется место.

Элиас передал пластину Мэй.

Плетельщик коснулся материала. Белые нити потемнели. Существо отпустило перчатку и поплыло к повреждённому каналу.

Остальные последовали за ним.

Тысячи нитей заполнили разрыв. Они переплетались, твердели, соединялись с живой тканью. Красный участок на схеме стал жёлтым.

Потом зелёным.

Шар вспыхнул.

Где-то далеко заработали подъёмные ячейки.

На поверхности Астэра рвущиеся корни натянулись. Южный обломок перестал опускаться.

«Кассандра» появилась над городом. Корабль шёл с креном, правый двигатель дымил. Он завис между основной землёй и отделившимся участком.

Люди прыгали на грузовую платформу. Эйры поднимали детей на руках. Амара удерживала корабль вручную.

— Ещё двадцать секунд! — сообщил пилот.

— Держи.

— Балка расходится.

— Держи.

Последняя платформа оторвалась от земли. Внизу лопнули корни.

Обломок города накренился и начал падать.

На нём оставались люди.

Амара увидела около тридцати фигур возле разрушенной башни.

— Разворачиваемся.

— Мы не выдержим ещё одну посадку.

— Значит, не садимся.

«Кассандра» прошла над падающим участком. Экипаж сбросил страховочные сети. Эйры цеплялись за них. Некоторые не успевали.

Амара опустила корабль ниже.

Правая балка треснула.

Двигатель начал отходить от корпуса.

— Всё! — крикнул пилот. — Или уходим сейчас, или падаем вместе с ними!

Амара смотрела на женщину, поднимавшую ребёнка к сети.

— Ещё три секунды.

Женщина успела закрепить ребёнка. Сама сорвалась.

Эйр, висевший выше, поймал её за руку.

— Подъём!

Корабль рванул вверх.

Двигатель оторвался.

Он упал на обломок, взорвался и исчез вместе с ним в облаках.

«Кассандра» вернулась к городу на одном высотном двигателе. Из двадцати двух членов экипажа трое были ранены. Спасли сто восемьдесят семь эйров.

Корабль больше не мог покинуть Астэр.

Амара вышла последней. Ирама ждала возле посадочной площадки.

— Вы пожертвовали своим возвращением, — сказала Хранительница.

— Я пожертвовала двигателем.

— Разве это не одно и то же?

— Надеюсь, нет.

С поверхности пришёл сигнал от группы Леона. Первый контур удалось восстановить. Падение замедлилось, но не остановилось. Требовалось запустить ещё два узла.

Амара закрыла сообщение.

— Командор, — позвал оператор связи. — Мы снова принимаем орбитальный модуль.

— Передайте состояние корабля и запросите эвакуацию.

— Я уже пытался. Модуль не отвечает.

— Тогда что мы принимаем?

Оператор вывел изображение.

Над Большим Кольцом находился корабль.

Он был человеческим, но не принадлежал экспедиции.

От него отделились три посадочных аппарата и начали спуск.

Амара посмотрела на Салима, появившегося на внутреннем канале связи.

— Кого вы вызвали?

Салим молчал.

Первый аппарат вошёл в шторм.

Вместе с ним в Большом Кольце проснулось что-то огромное.

Глава 11

Люди с хорошими намерениями

Первый аппарат успел передать слово «контакт», после чего его проглотили.

Не метафорически. Из облаков поднялась тёмная лента толщиной с городскую башню, обвила корпус и втянула его в Кольцо. На экране аппарат ещё несколько секунд существовал. Потом изображение стало зелёным, затем белым, затем появилось лицо незнакомого мужчины.

— Командор Окойе, — произнёс он, словно исчезновение собственного корабля было досадной помехой в расписании. — Марк Восс. Руководитель специальной группы «Гелиос Консорциума». Прошу подтвердить приём.

Амара стояла на посадочной площадке у мёртвой «Кассандры». За её спиной эйры вытаскивали из грузового отсека раненых. Правый борт корабля заканчивался обгоревшими балками. Выглядело так, будто «Кассандра» попыталась пожать руку великану и теперь жалела о своей общительности.

— Приём подтверждаю, — сказала Амара. — Один ваш аппарат уничтожен. Два других должны прекратить снижение.

— Потеря аппарата зарегистрирована.

— Поздравляю вашу бухгалтерию. Теперь разверните остальные.

Восс ненадолго отвёл глаза. Ему было около пятидесяти. Серебряные волосы, загар человека, который видел солнце через дорогие фильтры, и спокойствие профессионала, привыкшего сообщать плохие новости людям, стоящим ниже по должности.

— Мы продолжаем операцию.

— На поверхности населённый мир.

— Именно поэтому.

Амара посмотрела на оператора связи.

— Записывайте.

— Уже.

— В трёх экземплярах.

— Командор, это цифровая запись.

— Тогда сделайте вид, что поняли смысл.

Восс слегка улыбнулся. Он оценил шутку и отложил её в папку с несущественным.

— Согласно экспедиционному контракту, — сказал он, — при утрате транспортной автономности ваша группа переходит под управление спасательного оператора.

— Мы не просили спасения.

— Ваш корабль лишился двигателя.

— Мы просили эвакуационный модуль.

— Модуль выведен из строя.

— Кем?

— Причина устанавливается.

— Удобная причина.

— Причины редко бывают удобными. Удобными бывают формулировки.

Амара поняла, что Восс ей не понравится. Не сразу и не по мелочи, а основательно, как может не понравиться новый закон, принятый во время твоего отсутствия.

— Что вам нужно? — спросила она.

— Доступ к обнаруженному объекту, его управляющей системе и образцам материала. Кроме того, член вашей экспедиции Салим Надир передал сигнал бедствия по закрытому каналу компании.

На экране внутренней связи появился Салим. Он находился в тоннеле рядом с Мэй и Элиасом. Лицо было серым от усталости, но при имени Восса приобрело оттенок человека, которому неожиданно предъявили счёт за давно съеденный ужин.

— Я передал стандартный пакет, — сказал он.

— Вы передали координаты, — ответила Амара.

— Координаты входили в пакет.

— И описание Сердца?

Салим молчал.

Восс вмешался:

— Содержание корпоративной связи не относится к компетенции командора научной миссии.

— Пока ваши люди входят в мой шторм, всё относится к моей компетенции.

— Шторм вам не принадлежит.

— Он уже сожрал один ваш корабль. Спросите, кому принадлежит он.

Тёмная лента снова показалась над Кольцом. На этот раз медленно. Она разрезала облака, оставляя за собой вращающийся след. С поверхности были видны отдельные пластины, покрывавшие её тело. Между ними проходили голубые вспышки.

Эйры на площадке опустили на колени.

Ирама не опустилась.

— Смотритель, — сказала она.

Амара выключила микрофон.

— Вы его знаете?

— Мы знаем, что он просыпается, когда мир начинает падать.

— И что делает?

— После него мир снова поднимается.

— Прекрасно.

— Но не все остаются на нём.

Амара включила связь.

— Восс, вы слышали. Остановите аппараты.

— Мы высадимся вне города.

— Это не просьба.

— У вас нет средств помешать.

Он был прав. Такие люди особенно раздражают не потому, что говорят неприятное, а потому, что выбирают для этого факты.

Второй аппарат изменил курс и пошёл к равнине за городом. Третий остался над Кольцом, выпуская маленькие серебряные зонды.

Смотритель повернул к ним.

— Уберите зонды! — сказала Амара.

— Они пассивны.

Первый зонд вспыхнул.

Потом второй.

Смотритель двигался быстрее, чем позволяли его размеры. Его тело не изгибалось — оно словно переставляло себя между участками пространства. На мгновение он находился у нижней кромки Кольца, а в следующее уже окружал рой.

Зонды начали исчезать.

— Мы теряем телеметрию, — сообщил голос на канале Восса.

— Отзовите их, — повторила Амара.

— Продолжать сбор данных.

— Марк, — впервые сказала она по имени. — Это не хищник. Он реагирует на работающие системы.

— Тем более нужны данные.

— Вы испытываете незнакомый организм ценой людей.

— Людей на зондах нет.

— Пока.

Третий аппарат выпустил ракету.

Амара закрыла глаза. Иногда командиру требовалась секунда темноты, чтобы не убить подчинённого, которого у него даже не было.

Ракета ударила в тело Смотрителя. Голубой свет разошёлся по пластинам. Существо остановилось.

На площадке стало тихо.

Даже ветер словно решил не вмешиваться в чужую глупость. Ветер вообще был опытнее людей.

Смотритель развернул переднюю часть тела. Ни глаз, ни пасти у него не было. Только круглая полость, внутри которой вращались белые нити.

Из полости вышел луч.

Третий аппарат погас целиком. Двигатели остановились, огни исчезли, связь оборвалась. Корабль несколько секунд висел над Кольцом, будто ещё надеялся, что физика передумает.

Потом начал падать.

— Запуск аварийного контура! — крикнул кто-то на канале.

— Не отвечает!

— Перезапуск!

— Система мертва!

Аппарат накренился. До облаков оставалось меньше километра.

Смотритель подхватил его тёмной лентой.

Не раздавил. Не проглотил. Осторожно обвил корпус и понёс в сторону внешней стены шторма.

Восс впервые потерял спокойствие.

— Что он делает?

— Спасает ваших людей, — сказала Амара. — Вероятно, потому что не читал контракт.

Существо выпустило аппарат за пределами внутреннего пространства. На экране орбитального наблюдения тот продолжал падать, но системы постепенно включались. Через минуту экипаж восстановил двигатель.

— Подтвердите состояние, — приказал Восс.

— Живы. Управление частичное. Уходим на внешнюю орбиту.

Смотритель вернулся к Кольцу.

Амара посмотрела на Ираму.

— Он не убивает.

— Иногда убивает, — ответила Хранительница. — Когда то, что падает, нельзя вынести наружу.

— Как он решает?

— Не знаю.

— Вы много чего не знаете для человека с таким торжественным титулом.

— Титулы обычно и нужны, чтобы незнание выглядело достойно.

На равнине сел второй аппарат. Из него выехали четыре машины. Вокруг развернулись силовые мачты, над которыми возник прозрачный купол.

Восс снова появился на экране.

— Мы готовы принять ваших раненых и обеспечить эвакуацию экипажа после завершения первичного обследования.

— Сначала вы передаёте нам двигатель.

— После обследования.

— Сначала двигатель.

— Ваше положение не позволяет торговаться.

— Моё положение позволяет уничтожить координаты входа в Немею.

Восс посмотрел внимательнее.

— Они у нас есть.

— Войти мало. Нужно ещё выйти.

— Вы блефуете.

— Конечно. Но вы не знаете где.

Связь отключилась.

Оператор выдохнул.

— У нас действительно есть координаты выхода?

— Спросите Леона.

В тоннеле Леон сидел на полу, прижавшись спиной к стене. После восстановления первого контура от него требовалось только дойти до следующей камеры. Это была задача, с которой он обычно справлялся. Правда, раньше комнаты не пытались переварить его по дороге.

— Координаты выхода? — переспросил он.

— Да.

Леон поправил очки.

— Теоретически.

— Что значит теоретически?

— Я могу рассчитать окно с вероятностью около шестидесяти процентов.

— А остальные сорок?

— Там тоже есть окно. Просто оно ведёт глубже.

Амара выдержала паузу.

— Восс этого не знает.

— Теперь знает. Связь общая.

Оператор закрыл лицо ладонью.

Леон виновато посмотрел на микрофон.

— Простите. Я привык, что научная честность важна.

— Научная честность важна, когда за дверью не стоит человек с оружием.

— А когда стоит?

— Тогда важна дверь.

Мэй подняла плетельщика. Существо закончило заделывать разрыв и теперь пульсировало у неё на ладонях.

— Контур держится, но падение продолжается, — сказала она. — Нам нужен следующий узел.

Сайр коснулся стены. Перед ним раскрылся проход, уходящий вниз.

— Эта дорога ведёт к Спящему Голосу, — произнёс он. — Но теперь он услышал вас.

— Кто? — спросил Леон.

Из глубины тоннеля пришёл звук.

Не рёв. Не скрежет. Человеческое дыхание, усиленное тысячами пустых камер.

Потом голос произнёс:

— Леон Аранда. Ты опоздал на три тысячи четыреста семнадцать лет.

Глава 12

Сигнал, отправленный завтра

Леон не любил опаздывать.

Он приходил в аэропорт за четыре часа, на лекции — за сорок минут, к стоматологу — настолько заранее, что однажды успел увидеть предыдущего пациента до лечения и после и с тех пор считал пунктуальность спорной добродетелью.

Но опоздать на три тысячи четыреста семнадцать лет ему довелось впервые.

— Вы уверены, что речь обо мне? — спросил он.

Голос не ответил.

— Здесь может быть другой Леон Аранда.

— В живом ковчеге внутри газового гиганта? — уточнила Мэй.

— Вероятность небольшая. Но не нулевая.

Элиас включил фонарь и направил луч в проход.

— Если он ждал тебя три тысячи лет, ещё пять минут переживёт. Сначала проверим дорогу.

— Спасибо.

— Это не забота. Ты единственный умеешь разговаривать со стенами.

Сайр пошёл первым. Проход был узким и гладким. Под ногами просвечивали белые жилы. Они вспыхивали по очереди, отмечая путь. За спиной группы стенка медленно закрывалась.

— Мне не нравится, когда выход исчезает, — сказал Салим.

— Вы несколько часов назад вырезали кусок этой системы, — ответила Мэй. — Ваши чувства могут быть взаимными.

Салим шёл, придерживая повреждённую руку. Элиас вернул ему свободу, но не оружие. В кармане Салима остался передатчик. Он уверял, что тот бесполезен. Элиас уверял, что убьёт его, если окажется иначе. Между ними установилось взаимопонимание, какое иногда возникает между людьми после правильного распределения сомнений.

Тоннель резко накренился.

Леон поскользнулся, схватился за плечо Элиаса и повис на нём.

— Отпусти.

— Я пытаюсь.

— Ты держись обеими руками.

— Организм противоречит намерениям.

Элиас отцепил его пальцы по одному.

— В детстве ты лазил по деревьям?

— Один раз.

— Упал?

— Нет. Мама сняла меня на высоте метра двадцати.

— Зачем ты полез?

— Она сказала не лезть.

Элиас посмотрел на него с неожиданным уважением.

— Значит, надежда есть.

Ниже тоннель превратился в вертикальную шахту. В центре висели прозрачные диски. Сайр ступил на первый. Диск мягко опустился.

Мэй последовала за ним.

Леон посмотрел вниз. Дна не было.

— Это лифт? — спросил он.

— Нет, — ответил Сайр. — Лифт знает, куда везёт.

— А это?

— Оно спрашивает.

— Кого?

Диск под Леоном дрогнул.

— Видимо, меня.

Он шагнул. Диск просел на ладонь. Леон вытянул руки, будто равновесие зависело от убедительности его жеста.

— Вниз, — сказал Сайр.

Диск не двинулся.

— Вниз, пожалуйста, — повторил Леон.

Ничего.

— Может, он чувствует страх, — предположила Мэй снизу.

— Тогда он получил исчерпывающую информацию.

Сайр произнёс несколько слов на языке эйров. Диск поехал. Леон сел.

— Я бы и стоя справился.

— Конечно, — сказал Элиас.

— Просто центр тяжести...

— Молчи. Это помогает центру тяжести.

Они спускались почти десять минут. Стены шахты иногда становились прозрачными. За ними двигались огромные массы ткани, похожие на мышцы. По каналам текла серебристая жидкость. В нескольких местах копошились плетельщики, соединяя оборванные волокна.

Астэр жил.

Не как лес или коралловый риф. Как единое существо, которое согласилось притвориться материком, потому что кому-то требовалось место для домов, войн и рынков.

— Если это организм, — тихо сказала Мэй, — города на нём похожи на колонии микроорганизмов.

— Мы симбионты? — спросил Салим.

— Пока скорее раздражение кожи.

— Обнадёживает.

— Наука редко обязана обнадёживать.

Внизу их ждала круглая камера. В центре стояла конструкция, напоминавшая человеческое ухо высотой в три метра. За полупрозрачной тканью проходили импульсы.

На полу лежали сотни каменных пластин. На каждой был вырезан один и тот же знак: две линии, соединённые в кольцо без начала.

Сайр коснулся первой пластины.

— Спящий Голос, — сказал он. — Раньше сюда приходили Хранители. Теперь путь закрыт.

— Почему? — спросила Мэй.

— Последний, кто услышал Голос, вернулся стариком. Ему было девятнадцать.

Леон отступил от уха.

— Это существенная деталь.

— Поэтому я сказал её до того, как ты прикоснулся.

— Обычно существенные детали говорят до спуска в бездонную шахту.

— Тогда бы ты не спустился.

— Именно.

Салим достал передатчик.

Элиас мгновенно оказался рядом.

— Медленно.

— Он отключён.

— Медленно отключай его ещё сильнее.

Салим положил прибор на пол. Корпус был треснут. Индикатор не горел.

— Я хочу показать журнал, — сказал он. — Пакет ушёл, когда мы вошли в атмосферу.

Я не отправлял его вручную.

— Значит, автоматический протокол, — сказала Мэй.

— Нет. Протокол должен был сработать после подтверждения посадки.

— Ошибка времени?

— Я так думал. Потом проверил метку.

На маленьком экране появилась дата.

Леон прочёл её дважды.

— Это завтра.

— Через девятнадцать часов, — сказал Салим.

— Внутренние часы сбились.

— Сравнил с корабельными. Сначала пакет был принят передатчиком. Потом, через девятнадцать часов, должен быть отправлен.

— Принят откуда?

— Отсюда.

Салим увеличил журнал. Источником значился локальный адрес устройства. Передатчик получил пакет от самого себя.

Элиас присел рядом.

— Можно подделать?

— Да.

— Ты подделал?

— Нет.

— Удобно.

— Если бы подделал, выбрал бы историю попроще.

— Это первый разумный довод за день.

Мэй просмотрела структуру пакета.

— Здесь есть вложение.

— Я его не открывал.

— Почему?

— Оно защищено биометрическим ключом.

— Чьим?

Салим посмотрел на Леона.

Леон снял очки, протёр их и снова надел. Это не изменило изображения.

— Нет.

— Мы ещё ничего не предложили, — сказала Мэй.

— Но уже выбрали меня.

— Прикоснись к экрану.

— А если я постарею?

— От экрана?

— Мы стоим внутри живого материка перед гигантским ухом. Я расширил перечень возможного.

Элиас взял его за запястье и приложил большой палец к сенсору.

— Вот за это тебя однажды уволят из службы безопасности, — сказал Леон.

— Я давно уволился.

Экран вспыхнул. Вложение открылось.

Это была видеозапись.

Камера смотрела на ту же комнату, но стены были тёмными, а каменных пластин не существовало. Перед ухом стоял человек в изношенном экспедиционном костюме.

Леон.

Старше лет на двадцать. Волосы почти белые. Левую щёку пересекал шрам. Он смотрел прямо в объектив с усталостью, которой нынешний Леон пока не заслужил.

— Если ты это видишь, — сказал человек, — значит, Салим уже вызвал «Гелиос». Не обвиняй его слишком долго. Нам понадобится его чувство вины.

Салим тихо выругался.

Запись продолжалась:

— Не позволяй Воссу открыть Источник. Не запускай все три Голоса. И главное: когда Сердце предложит вернуть всё назад, не соглашайся. Мы уже соглашались.

Изображение дёрнулось.

Старый Леон оглянулся. За кадром что-то приближалось.

— Ты захочешь спросить, кто послал первый сигнал. Не трать время. Первого не было. Есть только тот, кто решит стать последним.

В стену позади него ударила тёмная лента.

Запись оборвалась.

В гигантском ухе открылся глаз.

Глава 13

Переводчик

В детстве Леон мечтал встретить инопланетян.

Он представлял обмен знаниями, осторожные вопросы, торжественную тишину первого контакта. Никогда — необходимость объяснить вооружённым людям, что плевок в чашу является знаком мира, а не оценкой качества напитка.

— Не пейте первым, — сказал он.

Марк Восс стоял у входа в городской Зал Ветра. Рядом с ним находились восемь бойцов в серой броне. Шлемы они не сняли. В руках держали короткие импульсные карабины. Люди, пришедшие говорить о мире, часто брали оружие, чтобы окружающие понимали серьёзность их миролюбия.

— Почему? — спросил Восс.

— Сначала пьёт хозяин. Потом он добавляет соль и выплёвывает первый глоток обратно.

— В общую чашу?

— Да.

— Отказаться нельзя?

— Можно. Тогда они решат, что вы отказываетесь от защиты дома.

— Мне не нужна их защита.

— Это не медицинская услуга. Это символ.

— Передайте, что у людей другой обычай.

— Какой?

Восс задумался.

— Мы пожимаем руки.

— У эйров прикосновение ладонью означает требование вернуть долг.

— Тогда просто здороваемся.

— Для этого они касаются лбами.

— Вы сейчас импровизируете?

— К сожалению, нет.

После голоса в камере их подняли на поверхность. Глаз в Спящем Голосе закрылся, не сообщив ничего полезного. Система вообще вела себя как государственное учреждение: знала всё, принимала по записи и отвечала так, чтобы пришлось прийти ещё раз.

Амара вызвала Леона в город. Восс потребовал официальной встречи с Ирамой, а единственный автоматический переводчик перестал различать речь эйров после того, как один из них чихнул рядом с микрофоном. Сайр знал человеческий язык, но отказался переводить человеку, которого считал «пришедшим измерять чужой дом». Поэтому выбрали Леона.

Его словарь состоял из ста восьмидесяти трёх слов, половина которых обозначала разновидности ветра. Для переговоров этого было мало. Для катастрофы — достаточно.

— Скажите ему, — произнесла Ирама, — что Высота принимает гостя, пока его намерения легче оружия.

Леон перевёл:

— Хранительница приветствует вас и просит оставить оружие снаружи.

— Она сказала больше.

— В их языке много образов.

— Переведите дословно.

— Ваши намерения должны весить меньше карабина.

Восс посмотрел на оружие бойца.

— Намерения ничего не весят.

— Это хорошее начало для философского спора. Но сейчас лучше положить карабин.

Восс подал знак. Бойцы закрепили оружие за спиной. Ирама считала это нарушением, однако позволила им войти. Вероятно, древняя дипломатия тоже различала компромисс и желание остаться живым.

В центре зала стоял низкий круглый стол. На нём находилась чаша с мутной жидкостью. Рядом лежали полоски сырого мяса и голубые плоды, от которых голос Элиаса недавно поднялся на две октавы.

Элиас увидел их и отошёл от стола.

— Вы уже пробовали местную кухню? — спросил Восс.

— Кухня пробовала меня.

Ирама взяла чашу, отпила, добавила щепоть соли и вернула часть напитка обратно.

Восс посмотрел на Леона.

— Теперь вы, — сказал тот.

— Вы говорили, после хозяина пьют гости.

— Да.

— Вы член первой экспедиции. Вы раньше меня.

— Формально вы возглавляете спасательную операцию.

— Формально вы переводчик.

Леон понял, что дипломатия — это искусство найти человека, который попробует первым.

Он взял чашу. Запах напоминал мокрый хлеб и электрический кабель. Мать всегда учила его не есть незнакомое. Она также учила не обижать хозяев. Впервые два материнских закона вступили в прямой конфликт.

Леон отпил.

Жидкость оказалась прохладной и почти безвкусной. Через секунду у него онемел язык.

Ирама ждала.

— Теперь соль, — подсказал Сайр.

Леон добавил соль.

— И вернуть глоток.

Леон попытался. Онемевшие губы не подчинились. Вместо чаши напиток попал на грудь Восса.

Бойцы подняли карабины.

Эйры у стен раскрыли костяные клинки.

Элиас закрыл глаза.

— Я знал, — сказал он. — Я просто не знал как.

Леон поставил чашу и заговорил, но язык превратил слова в невнятное мычание.

Восс медленно вытер броню.

— Это тоже часть обряда?

— Угу, — ответил Леон.

— Что он сказал? — спросила Ирама.

Сайр задумался.

— Он сказал, что гость принимает на себя дождь дома.

Леон благодарно посмотрел на него.

— Угу.

Напряжение спало. Карабины опустились. Эйры убрали клинки.

— Очень древний обычай, — добавил Сайр.

— Угу.

— Обычно после этого переводчик должен молчать до конца встречи.

Леон перестал смотреть благодарно.

Восс сел напротив Ирамы.

— Мы предлагаем эвакуацию части населения, медицинскую помощь и восстановление энергетических систем, — сказал он. — В обмен на доступ к Сердцу и право исследовать материалы Астэра.

Леон перевёл через портативный синтезатор. Голос устройства звучал торжественно и женственно. Когда говорил Восс, казалось, что предложение делала строгая школьная директриса.

Ирама выслушала.

— Если человек спасает падающего, может ли он забрать его дом? — спросила она.

— Мы не претендуем на дом.

— Только на то, что удерживает его в небе?

— На знания.

— Знание нельзя взять, не изменив того, у кого берёшь.

— Мы ничего не повредим.

Мэй кашлянула. Салим отвернулся.

— Один образец уже повредил контур, — сказала Амара.

Восс посмотрел на Салима.

— Надир действовал без полномочий.

Салим поднял голову.

— У меня есть приказ с вашей подписью.

— Приказ разрешал взять безопасный образец.

— Безопасность должен был определить я.

— И вы определили неверно.

— Удобные формулировки, — напомнила Амара.

Восс не ответил.

Снаружи раздался гул. Над городом прошла тень Смотрителя. Стены зала задрожали, из потолка посыпалась светящаяся пыль.

Ирама положила ладонь на стол.

— Мир падает. Вы предлагаете спор о праве собственности.

— Я предлагаю ресурсы.

— Отдайте их.

— После соглашения.

— Тогда это не помощь. Это покупка утопающего.

— Утопающий может отказаться.

— Может, — сказала Ирама. — Но продавец воды всё равно останется продавцом воды.

Переговоры продолжались ещё двадцать минут. Восс перечислял мощности, Ирама — условия. Амара пыталась получить двигатель. Мэй — медицинское оборудование. Элиас следил за бойцами. Салим следил за Воссом. Леон следил за собственным языком, который постепенно возвращался и пока ощущался как чужое животное во рту.

Зал загудел. Спасение мира обсуждали как аренду склада: сроки, доступ, ответственность, исключительные права. Пока Вселенная рушилась, кто-то всё равно должен был решить, кто подпишет накладную. Леон начинал подозревать, что без накладной она рухнет ещё быстрее.

В этот момент в зал вошла девочка-эйр.

Она несла поднос с чистыми чашами. Увидела вооружённых гостей, остановилась и поклонилась.

Один из бойцов Восса резко повернулся на звук. Сенсор на его плече мигнул красным.

— Биологическая угроза! — крикнул он.

Леон успел увидеть, как на подносе шевельнулся маленький плетельщик.

Карабин выстрелил.

Девочка упала.

Тишина возникла сразу — огромная, пустая, уже не дипломатическая.

Ирама подошла к телу. Край подноса расплавился. Плетельщик горел рядом, сворачиваясь в чёрный узел.

— Медик! — приказала Амара.

Мэй опустилась на колени. Пальцы быстро нашли рану под ключицей. Она приложила герметизирующую пластину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.